

АЛЁНА КИЧМАН

РОССЫПЬЮ и МАГИСТРАЛЯМИ

◆ КОРОЛЕВСТВО ЗА ШТОРОЙ ◆

Алёна Кичман

Россыпью и магистралями

<https://litres.ru/74668357>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каковы шансы встретить настоящего принца в пыльном чулане?

Пятьдесят на пополам, но Анна сорвала этот сомнительный куш.

Теперь за окном — мир, где баланс магических сил держится на хрупких клятвах и драгоценной крови. По соседству — надменный наследник, чья триумфальная церемония сорвалась. А все вокруг уверены: Анна к этому причастна.

Под ударом оказывается гораздо больше, чем один обиженный принц, а единственный способ вернуться домой — это дойти до самого эпицентра дикой магии и помочь этому королевству не сгореть в её пламени.

В компании невыносимого наследника с нестабильной силой и главного мага, пристально следящего за каждым её шагом, ей предстоит выяснить, почему в тот злополучный день всё пошло под откос.

Успех этой миссии — единственный билет домой. Но чем дальше в лес, тем яснее становится: возможно, Анна и правда здесь не случайно, и у кого-то на неё свои расчеты. Вот только

никто не учёл одного: Анна не планирует принимать правила игры, которой она даже не знает.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Разность температур	7
Глава 2. Принц, девчонка и каморка за шторой	17
Глава 3. Магия кино	30
Глава 4. Чужачка	43
Глава 5. Дубль два	58
Глава 6. Месяцы и годы	71
Глава 7. Королевство смирения	85
Глава 8. Знак пустоты	99

Алёна Кичман

Россыпью и магистралями

Пролог

Пальцы скользнули вперёд, преодолевая последнее сопротивление, и наконец коснулись безупречно прохладной глади. В то же мгновение мир взорвался, раскрываясь навстречу.

Счастье хлынуло по венам, растворяя кости и превращая кровь в чистый, бурлящий свет. Каждая часть и каждый уголок, до этого спавшие, содрогнулись и распахнулись, вторя этому потоку.

Цвета обрели плотность, закрутились и закричали. Воздух налился густой смесью запахов, таких сильных, что можно было почувствовать их вкус. Руки наполнились такой силой, что, сожми их — и само бытие с треском лопнуло бы меж пальцев.

Свернуть горы, переписать русла рек, сломать и выстроить заново — всё стало по плечу. Как и стереть границы, заполнив собой весь мир. Прорасти в каждом дереве, раствориться в каждой капле, растянуться облаком в небе, стать самым этим днём и перетечь в ночь. Забыть, что когда-то был лишь дух, запертый в тесной смертной оболочке.

А потом всё закончилось.

Возможно, прошла секунда, а возможно — долгие годы.

Но разрыв был неумолим и безжалостен. Мир, только что ластящийся к рукам, грубо рванул назад, отгораживаясь белым маревом. Душный кокон растянулся прямо перед лицом, за секунду выстроив глухую стену между духом и светом.

Краски стремительно выцвели, облетая сухими, пожухлыми соцветиями. На смену бесконечному звенящему восторгу пришла глухая, беспросветная горечь утраты.

Грудь болезненно сдавило. Счастье стремительно утекало обратно в пустоту. Руки повисли чужими, тяжёлыми плетью, а внутри чёрным бутоном распустилось осознание: всё, что случится дальше, до самого последнего вздоха, будет лишь жалким, серым прозябанием в этой убогой, тесной клетке.

Самое лучшее, что могло произойти, только что закончилось навсегда.

В отчаянных поисках ушедшей силы горький взгляд на ладони подтвердил: они пусты.

И лишь звонкий детский плач заставил прийти в себя.

Глава 1. Разность температур

ОНА

Я почти коснулась витиеватой решетки ворот. До старого железа оставалась пара миллиметров, когда в кармане ожил телефон. Вздвогнув, я отдернула руку. Маша.

— Ты где? — полился из динамика торопливый шепот. На заднем плане уныло, как из бочки, бубнил голос лектора. — Анатольевна лютует, трясет со всех курсовую!

— Меня не будет, — тихо ответила я, глядя сквозь прутья старой ограды на унылый музейный двор.

Навалилась глухая усталость. Как я вообще могла забыть про дедлайн?

— Ты с ума сошла? — Искренний шок в трубке смешался с отчаянием. — Сегодня же крайний срок!

— Да, я помню, помню, просто мне сегодня очень нужно быть в другом месте.

— В каком таком?

— В музей.

На том конце провода повисла тяжелая пауза. Было слышно только, как Маша шумно выдохнула.

— В музей? Твоего дяди?

— Да, мне кажется, сегодня я должна быть именно тут. Я недолго. Просто посижу немного.

Тяжелая сумка, набитая ненужными на сегодня тетрадя-

ми и пухлой косметичкой, больно оттягивала плечо. Настроение было горьким, как чашка наспех наболтанного дома кофе, который так и не помог взбодриться.

— Ладно. Иди, — смягчилась подруга. — Я что-нибудь навру этой мегере, не переживай.

Сунув телефон обратно в карман куртки, я глубоко вдохнула сырой весенний воздух. Вчера вечером я точно так же стояла посреди темнеющей кухни, не смея пошевелиться, когда в сумерках дверного проема мне померещился высокий мужской силуэт.

Конечно, в коридоре была лишь предсказуемая пустота, но глухая тоска заполнила все пространство.

Всю ночь меня мучил бесконечно тревожный сон про один давно забытый день. День, когда нас с мамой поставили перед фактом, что поиски дяди прекращены. День, когда наши последние надежды рассыпались в прах.

Утром ноги сами понесли меня вниз по ступенькам, мимо дворового кота, который удивленно повел усами, не получив от меня привычной порции еды, мимо автобусной остановки, с которой я обычно отправляюсь на учебу, напрямик сюда, к последнему месту памяти.

Из-за отсутствия даже могильного камня я воспринимала музей как его большое угрюмое подобие.

И вот я здесь. В месте, когда-то наполненном теплом и счастьем, а теперь ставшем эпицентром невосполнимой утраты. Стоять дальше было глупо, и я решительно толкнула

кованую створку.

Взбежав по ступенчатому крыльцу, я потянула на себя тяжёлую дубовую дверь, что поддалась с натужным, знакомым с детства скрипом. Шаг внутрь — и вместо приветствия слова застряли в горле: на месте Сергеича сидел какой-то хмурый, незнакомый мужик. Наивно было надеяться, что он все еще работает. Он был глубоким пенсионером еще в моем детстве.

Отогнав дурные мысли, я послушно подошла к стеклянному окошку кассы. Дико платить за вход в бывший второй дом, но сегодня роль невидимки подходила мне лучше всего.

Зажав в кулаке буклет, я миновала вертушку и пошла по коридору. В нос ударил знакомый запах — мастика для пола и музейная пыль. Всё как тогда. Глубокие тени по углам, высокие своды облупившегося потолка, косые лучи сквозь витражные окна. Сердце заколотилось быстрее.

Ну, привет.

ОН

Холод серебряного кубка обжег ладонь. Но стоило лишь поднести его к губам, как желудок отозвался резким, паническим протестом. Тошнота вцепилась мертвой хваткой, от внезапного спазма пальцы разжались, и несколько рубиновых капель плеснули на руку.

— Проклятье, — прошипел я сквозь зубы, брезгливо стряхивая сок на каменный пол.

Сдернув с подноса салфетку и промокнув темные подте-

ки, я коротко обернулся на Себастьяна — старик, слава богу, засыпал на ходу и ничего не заметил. Не хватало еще, чтобы он поднял панику перед самой церемонией.

Этот день должен был быть великолепным. Наконец-то. День Инициации, который я ждал всю жизнь.

Кубок вернулся на поднос к нетронутому завтраку. Всё и правда было готово. Месяц репетиций, бесконечные примерки, сверка отчетов и парадных протоколов, тяжелое, как могильная плита, давление отцовских ожиданий — всё это почти позади.

Вокруг меня привычно переливалась и кружила теплыми волнами моя магия. Сила работала идеально, что бы там ни шептали в замке о внезапно пришедшей холодной осени и о том, что Контур якобы не справляется с обогревом. Надуывают. Просто глупые слухи.

Я бросил испачканную салфетку на стол, но из-за дурацкой дрожи в руках промахнулся. Она перелетела край столешницы и приземлилась прямо на кресло, в котором серой муфтой вальяжно растянулся Тень. Кот поднял на меня наглую усатую морду и недовольно повел подранным ухом. Животное терлось в моих покоях уже который месяц. Сначала я пытался его выгнать, но истошные крики и бесконечный скрежет когтей по двери сделали свое дело. Стоило один раз выпустить — и выставить обратно уже не получалось.

Шаг, еще один — я медленно шел вдоль стены, скользя ладонью по выученной наизусть каменной кладке. Утрен-

нее солнце привычным узором ложилось на ковер. Сегодня мне предстояло покинуть эту спальню. Моим новым домом должно стать западное крыло.

Эта мысль вызывала глухое недовольство. По протоколу преемник Договора был обязан жить ближе к узлам магии. Тех узлов уже нет, но традиции остались. Это не радовало. Там, на западе, за окнами будут только серые внутренние дворы, высокая крепостная стена, а за ними — рукой подать до северного предела и районов, где магия была такой же грубой и неотесанной, как те, кто там обитает. А еще дальше дикие земли за краем Контура. Комната, казавшаяся по-настоящему моей, оставалась в прошлом. Лишение привязанностей ради безопасности королевства.

Хотя, когда на мои плечи ляжет груз Договора, мне некогда будет грустить о виде из окна.

Я проверил рукава, подтеков не осталось. Себастьян у двери едва переминался с ноги на ногу, борясь со сном. Как только церемония свершится, я первым же указом отправлю старика на заслуженный отдых. В уютный домик с цветами у крыльца, подальше от сквозняков и этих проклятых каменных лестниц, по которым его коленям с каждым годом ходить всё труднее. Хватит с него. И с меня тоже.

Глубокий вдох, окончательно усмирить бунт в желудке. Ничто, абсолютно ничто не сможет испортить этот день.

Пора.

ОНА

— Это невыносимо. — Я отстала от толпы и, шмыгнув в сторону, буквально завалилась в нишу за пыльной портьерой.

Швырнула сумку на деревянное сиденье и следом плюхнулась и сама. Ничего не получилось, магии не случилось. Экскурсия гулко катилась по музею и была до одури нудной. Я и представить не могла, что об этом месте можно рассказывать настолько уныло. Экскурсовод монотонно бубнил даты, превращая живые легенды в сухую отчетность.

Первое время после утраты меня пускали сюда просто так, без билетов и лишних вопросов. Смотрители помнили меня еще маленькой девочкой, которая часами самозабвенно рисовала в пыльном углу, пока главный инженер музея Александр пропадал в мастерских, серверных и служебных помещениях, куда обычным посетителям вход был закрыт. Для них я была «своей», кусочком памяти о человеке, который знал и держал это место в идеальном техническом порядке. Да я и сама знала здесь каждый щербатый кирпич, каждый закуток и подоконник.

Но долго обманывать себя я не могла. Без родного человека магия развеялась. Музей из портала в сказку превратился в обычное, скучное здание со скрипучими полами и запахом старья.

В детстве здесь всё дышало тайной, но теперь... теперь все это превратилось в склад мертвых пыльных вещей.

Нас ведь было всего трое: я, мама и он. Пока мама сра-

жалась с бытом и пропадала на работе, моим воспитанием занимался дядя. По профессии главный инженер музея, по призванию — волшебник, который умел заставить работать что угодно. И самый заботливый человек на свете.

Чтобы разгрузить маму, он часто забирал меня в свое королевство. Пока сотрудники проводили экскурсии, я хвостиком бродила за ним по бесконечным коридорам, служебным лестницам и техническим помещениям. Для меня музей состоял не только из залов и витрин. Я знала, где спрятаны распределительные щиты, куда ведут запертые двери и почему старинные часы в центральном зале никогда не останавливаются.

Дядя никогда не сюсюкал: он с самым серьезным видом объяснял мне, как работают датчики движения, зачем картинам особая температура и почему нельзя трогать некоторые провода. А еще заговорщически показывал вещи, которых не видел ни один посетитель.

И этот уголок, который чудом остался нетронутым, тоже показал мне он. В большом зале, за тяжелой драпированной шторой, закрывающей длинную пустую стену, скрывалось мое секретное убежище. Небольшое техническое помещение. Дядя всегда шутил, что это был его первый кабинет, а по сути большая кладовка.

Здесь я, маленькая, пряталась, когда надоедало бегать по коридорам. Он часто находил меня тут, на этой самой скамье, и даже как-то тайком притащил сюда подушку с одного

из экспозиционных кресел.

Я закрыла глаза. Запах тут совсем не изменился — пыль, дерево и ощущение, что время остановилось. И мне снова шесть, а может, восемь. И дядя скоро закончит обход или проверку основных систем и придет меня забрать. В носу предательски защипало.

Нужно дать себе пару минут. Медленный вдох и выдох. В моем убежище стоял густой полумрак. Справа серыми тенями громоздились какие-то старые рамы, а в темноте углов терялось ощущение стен. Но резную лавку я видела достаточно отчетливо. По крайней мере, пока глаза не заволочло слезами.

Откуда-то потянуло ледяным сквозняком, и я поежилась. «Ладно, — подумала я, тыльной стороной руки стирая мокрые дорожки со щек и кутаясь в куртку. — Глупо здесь сидеть. Мне всё равно нечего тут больше делать».

Вздохнув, я оперлась руками о скамью, чтобы встать, и в это мгновение внутри всё рухнуло вниз. Под моей ладонью вместо теплого, знакомого дерева оказались чьи-то ледяные пальцы.

ОН

— Это невыносимо, — пробормотал я, пытаюсь незаметно оттянуть воротник камзола.

Церемония еще не началась, а дышать в зале было уже нечем. Гул сотни голосов сдавливал внутренности. Едва тронутый завтрак, будь он неладен, принес лишь тошнотворную

приторную слабость. Желудок сводило спазмами, а до официального начала была еще вечность.

В глазах рябило от пестрой вереницы лиц и блеска драгоценностей. Гости Пяти Пределов заполнили всё пространство: дамы востока, чьи веера работали быстрее их языков, суровые молчаливые северяне, вечно просящий запад. Южане еще не прибыли.

Капля пота медленно скатилась по позвоночнику. Нужно было немедленно выйти. Пока я не рухнул прямо под ноги послам и советникам.

Отец привлек меня к себе, властно положив руку на затылок. Он оглядел меня, как проверяют лошадь перед покупкой.

— Эйлан, почему ты зеленый?

Как всегда. Только требовательный до полного соответствия ожиданиям взгляд.

— Душно. Я выйду на воздух, — выдавил я. — Пару минут?

Отец был скуп на нежности, но сегодня я ожидал больше участия, ведь, в конце концов, это главный день моей жизни. Он оглянулся на советников, возившихся у алтаря, нашел глазами занятого в ритуальных приготовлениях мага, и коротко кивнул:

— Пару минут. Ждем посла юга, и Магистр почти готов начинать.

Я аккуратно высвободился из хватки отца и начал проры-

ваться к выходу. Пришлось петлять между гостями, не потеряв при этом маску вежливости и доброжелательности. Но добраться до выхода так и не получилось. Паженок с серебряным подносом бросился наперерез мне, и блик от люстры с готовностью прыгнул на начищенную поверхность. Вспышка — и мир на мгновение поплыл.

Пытаясь не рухнуть перед всей придворной знатью, я шагнул в сторону, к стене, но, оперевшись на нее, запутался в тяжелой портъере. К счастью для меня, там притаилась ниша, в которую я ввалился и с грохотом рухнул на кем-то любезно поставленную там скамью.

Магия, моя собственная сила, плескалась вокруг меня теплыми волнами. Привычная и уютная, она баюкала меня, обещая убежище от тревог. Я вцепился в сиденье побелевшими пальцами. Пара минут тишины, пара вдохов, и я вернусь туда. И приму обязанности. Это будет мой момент.

Пора.

Но стоило мне шевельнуться, как волосы на затылке встали дыбом. Магия, до этого мягкая, вдруг болезненно ощети- нилась. На мою ледяную онемевшую руку легла чья-то мягкая, очень теплая ладошка.

Глава 2. Принц, девчонка и каморка за шторой

ОНА

— Ай, ш-ш-ш! — От неожиданности из головы разом вылетели все ругательства.

Всё, что я смогла, это отдернуть руку и отпрыгнуть от него, точно испуганная кошка: волосы дыбом, глаза как блюдца. Мой «сосед» по лавке молчал, хотя руку дернул к себе с такой же прытью. Спустя пару секунд я наконец пришла в себя и шумно выдохнула.

— Ох! Ну и напугали вы меня!

Я улыбнулась и сфокусировалась на человеке рядом. Из тени ниши проявилось лицо, которое в приличном обществе называть «просто красивым» было бы преступлением. Темные миндалевидные глаза, полные четко очерченные губы, острые углы челюсти и широкий разворот плеч. И все это в обрамлении темных, слегка вьющихся волос.

Рот сам собой приоткрылся. От такой концентрации красоты аж в горле пересохло.

Но что на нем надето? Стоило мне взглянуться в его одежду, как брови поползли на лоб. Глухой камзол из черного бархата, глушивший малейшие отблески. На воротнике-стойке и манжетах изысканное золотое шитье, а на пальце

тяжелое, мятое кольцо.

А запах... мне не надо было быть знатоком, чтобы почувствовать слабость в коленках.

«Он наверняка актер, — пронеслось в голове, и паника сменилась восторгом. — Ну, конечно! Такие красавчики просто так по музеям не бродят».

Я не могла заставить себя прекратить пялиться. В голове роилась куча вопросов, особенно касательно стоимости такого наряда: поразительная работа, ни одной лишней пуговицы. Но пока я была занята подсчетами, парень пришел в движение, и движения эти были созданы, чтобы окончательно меня дезориентировать.

Он расправил плечи и сдержанно, едва заметно улыбнулся, мгновенно заняв собой всё свободное пространство и гипнотизируя меня своим пристальным, властным взглядом. Настроение в нашем закутке мгновенно поменялось.

— О леди, вынужден признать, что я тоже вас не сразу заметил.

Мур-мур-мур. Что-то на кошачьем. Лёгкая хрипотца в лениво растянутых словах отозвалась волной мурашек. Что ж, поставленный голос — это определенно плюсик в актерском резюме.

Линии его фигуры на секунду странно поплыли, смазываясь в нечеткий, колеблющийся силуэт. Я склонила голову набок, пытаюсь сфокусироваться. Эта игра теней завораживала.

— Простите, что напугал, — у него был странный выговор, и это едва уловимое чужое, непривычное произношение обычных слов превращало их в манки и крючки.

— Но я была тут первая, — захотелось мурлыкать в ответ, но я лишь невзначай провела рукой по волосам, проверяя, красиво ли лежит хвост. — Так что это вы здесь возникли из ниоткуда!

Вдруг уши заложило. На мгновение показалось, что мое сознание буквально затягивает в воронку его темных глаз. Я поймала себя на том, что откровенно засмотрелась, и мне стало неловко. Хватит, одернула я себя и силой разорвала этот неприличный зрительный контакт. Гул в ушах прекратился, наваждение рассеялось. «Наверное, адреналин», — подумала я, обычное дело после испуга.

— Леди? — о, снова этот голос. — Вы в порядке?

Кажется, он ухмыляется — всё же заметил мой игривый тон.

— Вполне, спасибо, — и правда, чего это я.

Контроль окончательно вернулся ко мне. Красивые парни — это хорошо, но все же это его работа — соблазнять публику. Я с такими в игры не играю.

— У вас очень красивый костюм. Представление скоро должно начаться?

— Представление... — парень на секунду запнулся, теряя всю свою самоуверенность. — Вы правы, церемония начнется с минуты на минуту.

Он тут же поднялся, вынудив меня задрать голову.

На его безупречном лице промелькнула почти детская обида. Он что, всерьез рассчитывал, что я приму его за настоящего принца?

— Вам, наверное, тоже пора... — он осекся на полуслове, растерянно разглядывая мои джинсы и кроссовки.

Пауза затянулась. Что же, могу понять, что в сценарии его идеального «музейного перформанса» не было места для капюшонов и потертого денима. Парень помрачнел, даже как будто рассердился. Неужели моя толстовка оскорбила чувства его камзола?

— Что-то не так?

— Что-то не так... — повторил он, продавливая каждое слово. — Ваше Высочество.

«Ой, да брось, — я невольно подтянула ноги под лавку. — Подумаешь, дресс-код нарушила. Ты красивый, я умная. Или как там».

— Да ладно вам. Нас здесь никто не видит, можете передохнуть. — Я попыталась разрядить обстановку мягкой улыбкой. — Честное слово, я никому не расскажу, что вы со мной поболтали в обход сценария.

Но парень явно не собирался шутить, и этот отыгрыш превратил симпатичного юношу в холодную статую. Вжился в роль, не иначе, решила я, поднимаясь вслед за ним со скамьи.

«Стоит признать, выглядит правдоподобно, — восхити-

лась я про себя. — Прямо верю, что оскорбила королевскую кровь».

Воздух в нише стал слишком тяжелым, а разговор явно зашел в тупик.

«А теперь это уже немного напряжно».

— Что ж, вы правы, мне пора. — Я попыталась боком проскочить мимо него к выходу. — Приятно было познакомиться.

Но я и шага не успела сделать, как парень дернулся, преграждая мне путь. Его плечо, твердое, как дверной косяк, встретилось с моим носом. И мой нос явно был к этому не готов.

Из глаз брызнули слезы, я непроизвольно охнула, скидывая руки.

— Ты что, дурак?

Но в ушах низко завибрировали полные настоящей, неприкрытой злости слова:

— Что? Что ты... себе... позволяешь?!

ОН

Все было не так. И началось это с первого взгляда.

Родовая магия лежит на королевской династии, как вторая кожа. Она всегда чуть слышно «фонит», превращая каждое слово в истину, а членов королевской семьи — в абсолютный магнит. Нам невозможно лгать, к нам тянутся... это заложено в самом мироздании. Если же королевской крови грозит опасность, этот фон превращается в шторм, вышиба-

ющий волю у любого встречного. Полезная штука, не нахожу ни одного изъяна.

От внезапного испуга древнее колдовство внутри встрепенулось. Я сфокусировался на девчонке, пытаюсь оценить степень опасности. Похоже, передо мной сидела вовсе не девчонка. Эта девица была, возможно, даже на пару лет старше меня. Светлые пряди у лица, бледная кожа и серые, как камни в стене, радужки. Обычная, ничем не примечательная особа, если бы не осанка — слишком расслабленная для той, кто *сидит* перед будущим королём. Но пока рано было бить тревогу.

— О, леди... вынужден признать, что я тоже вас не сразу заметил.

Мой тембр упал, приобретая густые, вибрирующие нотки, перед которыми не устоит ни одна смертная. Рожденный, чтобы очаровывать и повелевать. Сила уже окутывала её, и я видел, как она замлела, едва ощутив первое прикосновение. Победная усмешка коснулась моих губ, в предвкушении, как эти серые глаза вот-вот подернутся поволокой обожания.

Не заставив себя долго ждать, на ее губах расцвела смущенная улыбка, она мурлычет что-то в ответ, поправляет волосы. Как предсказуемо. Все всегда ведут себя одинаково, хоть знатные дамы, хоть служанки. Скука. Она отвернулась, чтобы скрыть смущение.

Ну что же ты, просто сдайся мне, в любом случае, у тебя нет шансов.

— Леди, вы в порядке? — я позвал ее просто чтобы ещё раз насладиться тем, как наглость сменилась робостью.

И вдруг произошло немыслимое. Мои чары соскользнули с неё, как тяжелая атласная накидка с гладкого плеча. В одну секунду я, преемник Договора, оказался перед ней беспомощным и совершенно голым. Магия, не найдя опоры в её сознании, тяжелым, болезненным комом вернулась мне в грудь, выбивая дыхание.

— Представление скоро начнется? — беззаботно поинтересовалась она.

Что она несет? Какое представление? Я навис над ней, пытаюсь осознать происходящее. А родовая магия все бесновалась, не понимая, почему цель недостижима. Она шипами и когтями рвалась к девчонке, но, не находя зацепки, отталкивалась и била обратно в меня, скручивая нутро в тугий узел. Жар и холод волнами били по спине, так сильно, что я едва сдержал стон.

А девица так и продолжала сидеть, бесцеремонно рассматривая мой камзол, пока меня изнутри разрывало мощью бури. Но она больше не была в моей власти.

И ради Бури, во что она одета? Грубая ткань штанов, облепившая ноги, странная обувь на шнуровке, волосы собраны в какой-то нелепый, растрепанный хвост. В каком из Пределов женщинам позволено выглядеть столь непотребно? Она из прислуги? Тогда всё еще хуже. Её ждет суровое наказание за одно присутствие здесь, не говоря уже о такой беседе.

— Что-то не так? — я опешил от её спокойствия. Но, сам не веря своей щедрости, решил дать ей шанс, возможно, несчастная просто лишилась рассудка от страха.

— Что-то не так, Ваше Высочество, — я чеканил слова, надеясь, что мой титул вернет ей остатки разума.

Но дальше начался чистый бред.

— Ой, да ладно вам! — она легкомысленно взмахнула рукой, точно я был назойливой мухой. — Нас здесь никто не видит, можете передохнуть. Я никому не расскажу.

Мир вокруг меня на мгновение пошатнулся. Магия закрутилась тугими лентами вокруг горла, сдавливая и опутывая тело. «Никто не видит»? Она полагала, что моё достоинство — это маска, которую я надеваю перед толпой? Что я могу «передохнуть» от собственной сути? Это было последней каплей. Да, я определенно вышел из себя. Недопустимая слабость для того, чью грудь скоро украсит обруч незыблемого обета. Но эта девчонка...

Не склонила голову, не опустила взгляд. Напротив, снисходительно улыбается, всем видом показывая, что это я веду себя неуместно.

Весь город задыхается от торжественных стягов, а от нее по отношению к преемнику не было ни капли того священного трепета, который я привык видеть у подданных.

Внутри медленно закипало холодное бешенство. Моя кровь и магия требовали немедленного покаяния, коленопоклонения, хотя бы тени испуга. Но она молча разглядывала

вала меня, и это было сильнее любого словесного оскорбления.

Пока я приходил в себя, она попыталась проскользнуть мимо. Тело сработало быстрее мысли: ноги сами сделали шаг в сторону, намертво преграждая ей путь.

ОНА

— АЙ! — я вскрикнула от боли и схватилась за нос. — Ты что, с ума сошел?! Псих ненормальный, выйди из образа, больно-то как!

Запрокинув голову, я потрогала пальцами кожу над губой, пытаюсь понять, идёт ли кровь. Всё плыло цветными пятнами, а в носу стоял тот самый едкий, дорогой аромат его парфюма, который теперь крепко перехватывал дыхание.

— Как вы смеете так разговаривать с принцем? — начал закипать он, но тут же осёкся. Шумно втянул воздух сквозь зубы и продолжил уже значительно спокойнее. — И с мужчиной! Я лично верну вас вашим покровителям. Выговор — это меньшее, на что вы можете рассчитывать за эту дерзость.

— Слушай, — зашипела я, — муш-щина! — Злость накатила с новой волной адреналина. — Тебе лучше отойти с дороги и пойти выпить чего-нибудь успокоительного.

Страх не было: видимо, я просто напоролась на паренька с профдеформацией. Понимаю, слишком глубоко вошел в роль и принял все слишком близко к сердцу. Хотя, может, и правда псих? Как бы то ни было, тело уже считывало опасность.

Парень остановился в проходе, сцепив руки за спиной. Широкая грудь под расшитой золотом тканью тяжело двигалась в такт его дыханию. От него исходила такая волна давления, что воздух в нише казался наэлектризованным. Жизнь научила меня, что с неадекватными людьми не нужно делать резких движений, поэтому я решила попробовать обогнуть его с другой стороны.

«Лаадно...» — я показательно плавно приседаю в реверансе.

— Простите, Ваше Высочество. — Сарказм прорвался против моей воли. Я тут же прикусила язык, надеясь, что это не спровоцирует его, и поспешно добавила: — Но мне нужно на воздух.

И, пользуясь секундной заминкой, я наконец дотягиваюсь до ткани и буквально выпрыгиваю за нее.

ОН

Я остался один в душной тишине ниши.

Честно говоря, ситуация окончательно вышла из-под контроля с того мгновения, как мои чары бессильно соскользнули с этой девчонки. От неё веяло каким-то противоестественным спокойствием, которое перекрывалось громкой, почти кричащей наглостью.

Хотя она признала во мне принца, и по одежде, и по названию титула, всё её поведение было лишено должного почтения и не влезало ни в какие рамки.

Мир за стенами замка всегда казался мне упорядоченной

схемой на карте. Мы в Центре, кость и кровь этой земли. Остальные — лишь ресурс и фон. Отец в последние годы стал одержим идеей тотального контроля, и я полностью разделял его убеждения на «всеобщие сборы» в уделах.

И я был одним из немногих, кто поддержал отца, когда он приказал обучать всех детей подряд, не разделяя их по полу. Глупцы в Совете ворчали о «традициях», но я находил в этом чистый расчёт. Подданный, исправно платящий подати, — это надёжная опора короны. Тот, кто умеет читать приказы и считать медяки, приносит казне вдвое больше пользы.

Женский ум цепок, он привязан к деталям и усидчивости. Обученная девчонка из предместья — безупречный инструмент в делах правления Пределами. Она может вести учет складов или высчитывать недоимки. Да и зачем тратить время мужчин на бумажную рутину, если женщины могут делать это лучше и... послушнее?

По крайней мере, я так думал. До сегодняшнего вечера.

Глядя на эту девицу, я чувствовал, как мои представления медленно дают трещину. Она была обучена — это было слышно по её речи. Но в ней не было и капли полезной покорности, которую я ожидал от «нового грамотного ресурса» империи.

Мне некогда заниматься ерундой. На Восток едут за шелками, на Север за сталью, Юг растит урожай, но только мы здесь, в сердце Пределов, храним истинный порядок. Я привык, что всё сущее склоняется перед моей кровью.

А она — не склонилась. По крайней мере, этот реверанс был явной издевкой. Внезапно за моей спиной раздался пронзительный, неестественно ужасающий звук.

ОНА

Один прыжок — и я уже за пологом. Стремительно оглядываюсь, чтобы в случае чего позвать на помощь. Но звать было некого, зал встретил мертвой тишиной. Видимо, экскурсия в этом секторе уже закончилась. В сторону дверей пришлось почти бежать: только бы этот псих не вздумал преследовать! В голове уже складывался текст сообщения для Маши, а ладони машинально хлопали по карманам в поисках телефона.

До высоких двустворчатых резных дверей оставалось всего ничего, но тут тишину музея прорезал приглушенный, но пробирающий до костей звук. Знакомая мелодия звонка моего телефона. Телефона, который остался там, за тяжелой красной тряпкой. Как и моя сумка. Как и тот ненормальный.

О нет! Он там, и вещи тоже там. Театрально скидываю руки и медленно прячу лицо в ладонях, пока в мыслях проносится целый каскад самых отборных ругательств. Придется возвращаться. Ноги едва передвигались от нежелания снова сталкиваться нос к носу с неадекватным актеришкой.

План был прост: заглянуть за ткань и вежливо попросить «Его Высочество» вернуть вещи.

Ну что за растяпа! Как можно было оставить там телефон и сумку? Неужели выпал из кармана? То голос его этот, от

которого мурашки, то поведение... от которого тоже мурашки, только другие. Ладно, делать нечего. А телефон всё рывается. Нельзя, что ли, на кнопку нажать, орет же на весь музей! Пальцы аккуратно подцепили край ткани.

— Эм... Вашвысочество? Я там кое-что...

Договорить не удалось. В то же мгновение мое запястье перехватила чья-то рука и сильным рывком втащила меня обратно в темноту ниши.

Глава 3. Магия кино

ОН

Что за тьма! Какой-то дикий вой! Внутри всё начинает дрожать, и меня накрывает паника. Я думал, меня сложно вывести из себя, но это утро раз за разом доказывает обратное. В пыльном закутке не было никого, кто мог бы издавать этот ужас, пока внимание не зацепилось за маленькую мерцающую коробочку. Звук исходил прямо из неё. Вещица той нахалки. Очередное покушение? Злой заговор? Этот мерзкий ритмичный лай выворачивал душу наизнанку, и хотелось уже самому рвануть за штору, но останавливало лишь то, в каком виде придётся предстать перед подданными...

— Ваше Высочество?

Резкий разворот. Попалась. Вернулась на место преступления, как вор за добычей. Мои пальцы сомкнулись на её запястье, уж теперь не сбежит. Пол под ногами дрогнул, а магия взвилась вокруг нас темным вихрем. Внутри все похолодело от чуждой, злой радости, когда древнее колдовство заключило нас обоих в свой невидимый кокон. Короткий рывок за руку ближе к себе заставил её взвизгнуть — скорее от неожиданности, чем от настоящей боли.

— Ради Бури, это твоя штукавина? Ты владеешь магией?

Девчонка, вместо того чтобы рухнуть в обморок от страха, вызываясь фыркнула:

— Отпусти меня, придурочный! Мне же больно!

Она попыталась вырвать руку, но я по инерции перехватил ее под локоть и чуть надавил на запястье. Честно говоря, я просто хотел, чтобы она замолчала, и мне не пришлось объясняться перед теми, кто придет на шум, что я вообще здесь делаю. Наедине. С ней.

— О-о-ой, ваше вредительство, пустите бога ради! — Вот же язык, несет не пойми что. — Моя, моя штукovina! Руку отпустите, я выключу!

Делать нечего. После легкого толчка в сторону орущей коробочки девчонка как ни в чем не бывало хватает её и просто тыкает в нее пальцем. Вой прекратился мгновенно. Тишина обрушилась на нас, тяжелая и липкая.

— Ты маг, — без сомнений заключил я.

Только обладательница темного дара могла так буднично обращаться с подобным предметом.

Насмешливые серые, как грязное грозовое небо, глаза приносили почти физическую боль моему королевскому величию. Неужели это не её я минуту назад пригвоздил к месту?

— Я под впечатлением от того, как ты вжился в роль, — тьма, снова это панибратское «ты»!

От этой немыслимой наглости, от унижительного звона в ушах и общего абсурда утра моя родовая магия вновь взвилась под кожей. Быстро научившись на предыдущих осечках, она поднялась вокруг меня черным, удушливым маревом. Я

ощутил за спиной ледяную мощь, готовую сокрушить любого.

Один шаг съел всё расстояние между нами. Было истинным наслаждением видеть, как девчонка испуганно заморгала и попятилась. «Вот оно», — злорадно пронеслось в голове.

Маг она или нет, я разберусь позже. Сейчас я хотел лишь одного: пусть рухнет на колени, осознав, кому она дерзила. Я бесшумно набрал в лёгкие воздух, готовясь произнести приговор, который заставил бы оцепенеть любого подданного. Вкус победы уже растекался теплом на языке.

— Слушай, ну хватит. — Она мягко выставила вперед открытую ладонь и легко отодвинула меня, восстанавливая между нами расстояние.

Оцепенение сковало тело. Простой, но невозможный жест. Касаться принца, да еще и с видом, будто ее потянул за рукав навязчивый ребенок.

— Я устала, — продолжила девчонка, полностью игнорируя мой шок. — Я уже признала, что ты — великое Высочество, хватит меня прессовать! Пять минут назад я была «леди», а теперь вот это все!

Темное марево за моими плечами опало, рассыпавшись бесполезным пеплом. Стало не по себе от липкого, позорного чувства беспомощности. В этой пустой нише, в своем торжественном камзоле, я превратился в нелепого актера, который безнадежно переигрывает перед единственным зрите-

лем.

Возможно, я действительно переборщил. Она из Предела и не сразу признала во мне наследника короны. А день инициации давит на меня сильнее, чем я готов признать даже самому себе. Нужно заканчивать этот фарс, пока кто-нибудь не застал меня в этом двусмысленном положении.

— Хорошо, — я заставил себя отступить и коротко кивнуть. — Вы правы, леди. Я приношу свои извинения за излишнюю... резкость.

— А я их принимаю, — легко согласилась она, будто имела полное право миловать принца. — Но мне уже пора.

И она попыталась отвернуться от меня, чтобы забрать свои вещи с лавки. Но увы, я не мог уже так просто ее отпустить. Как бы мне ни хотелось сбежать отсюда, но она уже выходила в зал. Лучше выпроводить её в зал лично под прицелом сотен глаз, чем позволить слухам о «тайном свидании за портьерой» поползти по замку.

— Как ваше имя, леди?

Она цыкнула, и я готов отдать голову Тьме, закатила глаза!

— Анна.

— Леди Анна, нам пора возвращаться. Могу я вас сопроводить?

Я заставил свои губы слегка растянуться в светской улыбке и, отступив, жестом пригласил ее пойти первой. Девчонка подозрительно прищурилась, глядя на меня, ожидая подвоха. Помедлив секунду, она всё же кивнула и выдала такую

же вымученную улыбку в ответ.

— Ведите, Ваше Высочество.

Принц отодвинул свободной рукой ткань, и она внезапно легко отъехала в сторону, ведь ее уже тянул на себя один из пажей. В зале, в котором за секунду до этого стоял невообразимый шум, волной изумления потушило все звуки.

Пара, что предстала перед собравшимися, выглядела, как ни посмотри, странно. Наследник позади какой-то девчонки, оба взъерошенные и пыльные. Первым опомнился паженок Его Высочества. Бледный как мел, он выскочил навстречу принцу и, кланяясь, затараторил:

— Ваше Высочество... церемония... потеряли, искали! Леди Аннабель беспокоится!

— Проводи леди Анну к её семье, — перебил его принц, и, повернувшись к девушке вполоборота, слегка небрежно поклонился. Весь его вид показывал, что он не расположен к спутнице и что их не связывает ни родство, ни симпатия. — Леди, вынужден покинуть вас. Удачи.

Не дожидаясь ответа, он стремительно удалился в направлении алтаря.

АННА

— Леди? — мальчишка-паж вопросительно смотрел на меня, стараясь не глазеть, хотя ни ему, ни людям вокруг это, честно признаться, не удавалось.

На меня были повернуты десятки лиц, а я, не скрываясь,

плялилась в ответ. Сцена была поставлена — чистый восторг. Но как они успели? Пять минут назад я брела по пустому залу, где эхо гуляло между витрин и экспонатов. А сейчас...

— Это потрясающе! — шепнула я. — Когда вы успели здесь всё украсить? Это представление? Съёмки?

Я завертелась вокруг, оглядывая то ли потолки, то ли стены.

— Я попаду в камеры? Я ведь неподходяще одета!

— Это правда, — протянул паженок, но тут же спохватился, склонил голову и вытянул руку в сторону выхода из зала, приглашая идти первой.

Ноги сами зашагали вперёд. Массовка отлично отыгрывала: кто-то брезгливо поджимал губы, кто-то шептался. Костюмы были пугающе детальными. Никакого дешевого театрального атласа, синтетических париков или пластика. Это же сколько стоило сшить такую прорву одежды? Даже понимая, что всё это реконструкция, мне стало неловко, что я влезла сюда в джинсах и толстовке.

Я притормозила у знакомых дверей. Пять минут назад они были посеревшими от времени, со сточенным узором, покрытые мелкой паутиной трещин и сколов. Сейчас — массив дерева, сияющий свежим лаком и идеальной резьбой. Пальцы невольно коснулись гладкой поверхности. Идеальное покрытие.

— Ну, вот это точно, магия кино, — протянула я, подмигнув пажу.

Стараясь не замечать странный холодок, лизнувший позвоночник, я двинулась дальше сквозь толпу. Внутри противно свербила мысль: «Если попаду на камеры, будут крупные проблемы». Так что я торопливо зашагала дальше, мимо «резных» дверей и разодетых барышень, под гул отрепетированных реплик.

ЭЙЛАН

Как только я передал девчонку пажу, я вычеркнул её из мыслей. У меня оставались считанные секунды, чтобы занять свое место и не превратить день триумфа в позор.

Все рябило, но я шел сквозь толпу, и она послушно расступалась, образуя живой коридор. Впереди, на пьедестале, уже собрались все: магистр, наместники, семья. Я поймал взгляд тёти Аннабель — в нем сквозила привычная строгость, но за ней я уловил тень облегчения. Она была слишком мудрой, чтобы отчитывать меня прилюдно; лишь лёгкий кивок в сторону отца указывал, где именно меня ждёт настоящее неудовольствие.

— Сын! Наконец-то! — громогласно объявил отец, и зал мгновенно смолк. — Самое время начать.

Король раскрыл объятия, но между бровями уже пролегла первая морщинка раздражения. Я поспешил сделать шаг вперёд на пьедестал, но ноги внезапно стали ватными, будто кости превратились в талый воск.

— Эйлан? — отец подхватил меня под локоть прежде, чем кто-то из гостей заметил заминку. Властно притянул к себе,

заглядывая в лицо: — Ты в порядке?

— Да, отец, — врать было легко, гораздо легче, чем слышать его ответ сквозь нарастающий гул в голове.

Уши заложило, как при резком погружении под воду. Пытаясь стряхнуть этот липкий туман, в котором мир вокруг начал стремительно расслаиваться, я обернулся к залу. И вдруг вдали увидел её — светлое растрепанное пятно среди шелка и бархата. Девчонка быстро продвигалась к выходу.

В голове вяло, как в дурном сне, заворочалась догадка: мне стало плохо именно после встречи с ней. Она — причина. Она уходит.

— Наследник! — возгласы слились в неразличимый гул. Пол ушёл из-под ног, краска начала стремительно вымываться из мира, оставляя лишь глухую черноту.

Собрав последние крохи воли, я выдохнул:

— Поймайте... девчонку...

А затем мир окончательно погас.

АННА

Добравшись до выхода, я услышала странный шум у себя за спиной — синхронные ахи и вздохи. Актеры работали отлично. Я не видела осветительных приборов и не слышала никаких указаний режиссера в мегафон, так что всё, видимо, было продумано наперед и отрепетировано до автоматизма. Как же я надеялась, что не сорву им съемку своим нелепым видом! Торопясь, я позволила себе обернуться лишь у самого выхода.

Через огромный зал удалось рассмотреть финал сцены: там, в самом дальнем углу на пьедестале, на руки большого, богато одетого мужчины оседал тот самый «Ваше Высочество» из чулана. Обморок вышел очень натурально, толпа снова слаженно охнула, а я по инерции толкнула дверь и вывалилась на улицу.

Глаза пару секунд привыкали к дневному свету, а потом моя челюсть медленно поползла вниз. Вторя моему изумлению, дверь позади со скрипом закрылась.

Конечно, было неожиданно, что музей переоформиат за считанные минуты, но киношники изрядно потрудились и над территорией вокруг него. Задний план поражал детализацией: какая-то деревня, леса, сопки — всё это казалось пугающе настоящим.

Люди вдали двигались, а площадь у ступеней большого каменного крыльца музея изменилась до неузнаваемости. Никакого асфальта, никаких парковок — только камень и пыль.

Пока я, открыв рот, разглядывала антураж и в очередной раз молилась не попасть в объектив, жизнь на площадке бурлила. Вот люди, одетые победнее, тащат куда-то тяжелые мешки; две девицы в длинных сарафанах с корзинами в руках шмыгнули за угол. Лошади! Тут были настоящие лошади и даже кареты. В одну такую, сплошь черную, стоящую чуть поодаль, скользнула фигура в темном волочащемся по земле плаще. Плащ был таким длинным, что кусочек ткани

так и остался торчать снаружи после того, как дверца экипажа глухо захлопнулась. Забавно. А это будут переснимать? Такой явный киноляп.

От мыслей меня отвлек внезапный грохот дверей позади. Прежде чем я успела сообразить, что происходит, несколько пар рук вцепились в мою одежду. Резкий рывок назад — и меня буквально затянуло обратно в здание.

«Всё-таки попала в кадр, сейчас будут ругать», — пронеслась паническая мысль. Я уже хотела было повернуть голову, соорудив самую скорбную и сожалеющую морщину, чтобы извиниться перед режиссером, но слишком сильно дернулась рядом с дверным косяком. Тупая боль прошибла затылок, и свет для меня внезапно выключили.

С того момента, как принц рухнул перед всеми Пределами, началась полнейшая неразбериха. Пока Королю помогали уложить сына, по залу эхом пронеслось: «Поймать девочку!».

Указ долетел до тех, кто видел принца Эйлана, выходящего из-за портьеры под руку с нелепо одетой девицей. Лишних вопросов не возникло: её вид буквально кричал о том, что с ней что-то не так.

Многие проследили за ней, не скрывая любопытства и насмешливых перешептываний, так что «волонтеров» из числа стражи и знати, бросившихся к дверям, нашлось предостаточно. Преступница никуда не торопилась: она застыла на

крыльце, с восторгом озираясь по сторонам, когда её схватили и затащили обратно. Энтузиасты были так воодушевлены, что, втягивая её в двери, приложили девушку головой о косяк. Сопротивление, которое даже не было оказано, было героически подавлено.

Эйлан очнулся и обнаружил себя на софе в Малом покое — душевной комнате, предназначенной для узкого круга. Та странная барышня, по вине которой он здесь очутился, полусидела поодаль, втиснутая в глубокое резное кресло. Её голова безжизненно откинулась набок — девчонка почему-то тоже была без сознания.

После тщательного осмотра главным целителем принц был признан здоровым, и постельного режима ему не назначили. Сам от себя не ожидая, он поторопился подняться. Вышло не с первого раза. Сделав максимально небрежный жест слугам, он велел переложить девчонку на своё место, в мягкие подушки софы. Негоже будущему королю позволять даме оставаться в таком скрюченном виде, даже если она и подозрительная.

Парень встал поодаль и выглядел бы сурово, если бы не был болезненно-бледного, почти фарфорового цвета. Он оперся на спинку большого резного кресла, пошатываясь от слабости и периодически подавляя тошноту с самым элегантным видом из всех возможных. Наследник был помят, но упрямо держал спину ровно.

Леди Аннабель легко тронула племянника за руку, одоб-

ря его выдержку — результат её долгих уроков этикета. Но Эйлану было не до похвал. Король Алдар тихо переговаривался с начальником стражи у окна. Он выглядел обеспокоенным и уже очень явно раздраженным. Между пленницей и принцем стояли двое солдат, еще трое держались около двери.

Тут же дрожал и тот самый пажонок, все с тем же подносом под мышкой и отбивал зубами такую дробь, что вот-вот упадет ничком, в попытке слиться с ворсом ковра.

Внезапно дверь с шумом распахнулась. В комнату, стуча каблуками, ворвался главный маг, а ресницы девушки дрогнули, и она пришла в себя.

ЭЙЛАН

В ту же секунду резкая, колючая искра молнией прошла от кончиков пальцев до самого затылка. Тяжелая муть, давящая на меня, вдруг сменилась странным звоном, который вибрировал в груди. Я всем телом почувствовал, что девица очнулась...

— Вы что, совсем тут с ума посходили! — девчонка только очнулась, а уже начала вопить на всю комнату. — Я же не специально! Я не знала, что у вас тут кино! Меня это «Ваше Высочайшество» сам в зал вытащил, а я пыталась уйти!

Если бы не позорная необходимость умирять собственное, бешено kloкочущее нутро, я бы нашел способ заставить её умолкнуть. Какая запредельная, немыслимая наглость — и это в десяти шагах от самого Короля!

Её дерзость граничила с самоубийством. Сколько бы я ни придумывал ей оправданий там, наедине, но здесь ошибиться было невозможно. Сейчас перед ней стоял сам Король. И он никогда не спустит подобного. Никому.

Несмотря на её вопиющее невежество, я поймал себя на странной, неприятной мне мысли: я не хотел, чтобы её наказали или уволокли в темницу. И дело было не в милосердии.

Она наконец замолчала. Потирая голову, насупилась и мгновенно выудила откуда-то из кармана свою мерцающую коробочку.

— Убери это немедленно! — Я рванулся вперёд, пытаюсь перехватить её руку, но вовремя остановил себя: вокруг есть кому этим заняться.

— Стража! Возможно, это оружие!

И они среагировали мгновенно. Два тяжелых доспеха выросли передо мной, отсекая девчонку. Один из гвардейцев, не раздумывая, вцепился в опасный предмет.

Началось нелепое, позорное противостояние.

Было больно наблюдать, как элитная гвардия не может справиться с девчонкой и куском светящегося камня. Она сражалась, как дикая кошка, но когда наконец-то грубая мужская сила начала побеждать, в комнате с оглушительным хлопком исчезли все звуки и низкий мужской голос прозвучал у каждого прямо в голове:

— Хватит! Прекратить балаган!

Глава 4. Чужачка

Главный маг королевства возник в самом эпицентре драки словно из-под земли. При виде его высокой фигуры все присутствующие мгновенно утихли. Длинные пальцы Мбрана аккуратно легли на руку стражника, и с пугающей легкостью отцепили его от магической коробочки. После чего маг так же медленно наклонился к девчонке и принялся что-то тихо и вкрадчиво объяснять. Тяжелые складки его плаща легли черными волнами, создавая вокруг него темную воронку.

— Мы со всем разберемся... нужно передохнуть... в малую столовую... я буду через пару минут... прошу, уберите...

— В какую столовую?! — возмущение принца мгновенно погасло, стоило отцу лишь слегка повернуть в его сторону голову. Король доверял своему главному магу безоговорочно — слово Морана весило больше, чем мнение всей остальной придворной элиты, вместе взятой.

Моран продолжал говорить с девушкой, и в каждом его движении сквозила абсолютная уверенность и спокойствие. Никто из присутствующих и не заметил, как коротким, неуловимым жестом он начертал в воздухе крошечную отслеживающую руну. Едва заметная искра послушно прилипла к запястью девчонки и тут же исчезла, скрывшись за рукавом её светлой куртки. Маг легко поднялся, протягивая руку

к девушке и призывая ее последовать за ним.

— Проводите леди... — Пауза в ожидании имени затянулась.

— Анну, — нехотя подсказала она.

— Леди Анну в малую столовую, — и добавил стражнику уже тише, — оставайся у двери и не спускай с нее глаз.

Когда небольшая процессия удалилась, маг вернулся в основную залу и объявил недовольно переминающимся гостям и подданным, что церемония откладывается до вечера, а пока их ждут угощения и музыка. Новость мгновенно сняла напряжение, и все собравшиеся заметно оживились и лица их просветлели. Еда и развлечения, что еще нужно человеку.

А маг, не медля ни секунды, уже вернулся в библиотеку.

— А теперь поговорим с вами, принц.

Под прицелом двух самых требовательных пар глаз в королевстве, спина принца невольно выпрямилась еще сильнее — так, что мышцы начали ныть. Молчание отца давило на плечи сына тяжелее, чем весь позор сегодняшнего утра.

— Рассказывай, Эйлан. — Маг был совершенно спокоен, но во рту у принца мгновенно пересохло.

— Я... — Секундная запинка показалась вечностью позора. Парню пришлось сжать кулаки, пряча их в складках камзола. — Ситуация вышла из-под контроля. Я столкнулся с ней случайно, в нише за портьерой. Она уже находилась там и вела себя... вызываяще.

Король даже не поднял головы, продолжая вертеть в ру-

ках массивную чернильницу. Этот жест означал, что он ждет сути, а не оправданий.

— Она была груба? — коротко уточнил он.

— Она вела себя неуместно, — Эйлану пришлось чеканить слова, глядя строго перед собой во избежание тяжёлого отцовского взора. — Но дело не только в её манерах.

Липкий стыд растекался по телу. Признать свою слабость перед Королем в день собственной инициации — что может быть унижительнее?

— Родовая магия. — Короткий вдох помог ему снова не запнуться на полуслове. — Она не подействовала на нее.

Библиотеку затопила мертвая тишина. Моран молча изучал принца, выискивая ложь или преувеличение. Но он не врал. И от этого ему было еще страшнее.

Маг пришел в движение первым. Отточенным взмахом руки он заставил вспыхнуть все факелы в помещении. Свет ударил в лицо, и парень невольно зажмурился — всего на миг, проклиная себя за эту минутную слабость. Его отец тяжело поднялся, но его королевская осанка оставалась безупречной, даже когда никто не наблюдал.

Мужчины склонились над старыми фолиантами, листая страницы с сухим шелестом, похожим на скрежет костей. А принцу оставалось лишь стоять в стороне, не смея пошевелиться без приказа, как мальчишка, что принес плохую весть и теперь ждет приговора.

Слова короля эхом отразились от сводов:

— Так значит, у нас иномирянка.

ЭЙЛАН

В этот момент окружающий мир перестал для них существовать. Но я и не спешил привлекать лишнее внимание. Меня затопило переживание этого пугающе нового опыта.

Никогда раньше не доводилось чувствовать себя таким... беззащитным. Всю жизнь чары были моим щитом, моей второй кожей, гарантией того, что мир будет ко мне добр. А эта девчонка просто содрала этот щит. Но еще больше меня пугала собственная реакция. Моя магия никогда не принимала такие опасные, удушающие формы, как в тот момент в нише.

Тьма, которая взвилась за моей спиной, была не похожа на теплые волны защиты, к которым я привык. Она была голодной. Ощетинившейся тысячей игл. В желании защитить меня, готовая стереть девицу в порошок за её неповиновение.

Это было спонтанно, сумбурно, и, если честно, радикально. Я всегда считал себя благородным, но та сила, что вырвалась наружу, явно имела на этот счет другое мнение.

А теперь еще и эти оглушительные новости.

— Отец, как это возможно?

— Эйлан, тебе стоит просто это принять. — Отец хорошо скрывал свои истинные чувства, но я уже ощущал его раздражение, как туго натянутую нить.

Король сидел в кресле, спиной к массивному витражу, за которым лениво струился дождь. Изумрудные и рубиновые пятна на полу казались мне застывшими лужами пролитой

крови.

— Она не из наших краев. Это очевидно по ее поведению и внешнему виду. А если ваши чары не действуют на неё, — Моран стоял подле отца, — значит, что она и вовсе не из нашего мира.

Они говорили об этом так, как обсуждают плохой урожай или неисправный замок на воротах. Ни тени страха, ни капли трепета.

— Но почему вы так спокойны? — я не выдержал, обратившись к отцу. — Другой мир? Это же...

Отец выпрямился и снисходительно улыбнулся.

— Эйлан, мы живем в мире, где люди черпают силу из Бури, превращая ее в Тьму и Свет. Мы знаем об Астрале чуть меньше, чем о собственных подземельях. Почему тебя удивляет, что за гранью есть что-то еще? Сказки про пришлых и иномирцев не рождаются на пустом месте. Если история живет века, значит, у неё был реальный повод начаться. Это просто редкое событие. Неприятное, учитывая день инициации, но вполне объяснимое.

— Но как она могла попасть сюда? — До сих пор не удавалось осмыслить масштаб.

Моран оторвался от чтения.

— Ткань между мирами истончается, — туманно произнес маг. — Проходы непредсказуемы. Скорее всего, она здесь не по своей воле. Порадуйтесь, Наследник, что это она попала к нам, а не вас выбросило в её реальность.

Тут уже я окончательно оторопел. Это что, двусторонний процесс? Меня могло забросить в её мир?

— И она явно не понимает, где она, — маг напомнил о важном деле, — нам стоит поговорить с ней. Ваше величество, ваше высочество, вы позволите сделать это мне?

— Да, коне... — с большим облегчением выдохнул я. Мне не хотелось бы сообщать такие новости такой взбалмошной девице, но колючий взгляд отца остановил меня на полуслове. Он всегда ожидает от всех большего **рвения** и не приемлет трусости.

Я сглотнул вставший в горле ком и выпрямился.

— Конечно, ты мог бы, Моран. Но это произошло на моих глазах. Будет правильнее, если я закончу начатое лично.

— Моран, это безопасно? — Король выжидающе замолчал, пока маг коротко не склонил голову.

— Я буду рядом. — Моран едва успел договорить, как отец, звучно хлопнув ладонями по подлокотникам, тяжело встал.

— Будь осторожнее, — бросил он, направляясь к дверям. — Если магия бессильна, тебе придётся вспомнить, что такое обычные слова. Постарайся не выглядеть перед ней глупцом.

Его ухмылка была мимолётной, но он явно забавлялся, предвкушая мои мучения с взбалмошной девицей.

— Уладь это. И поешь. Бледность тебе идет, но у нас ещё есть сегодня дела.

АННА

В голове гудело, в макушке пульсировала тупая боль. За окном лил дождь — я не помнила его в прогнозе, да и сам вид из окна слабо походил на городской пейзаж. «Магия кино, — убеждала я себя, пытаюсь унять дрожь в руках, — декораторы едят свой хлеб не зря».

Мир за стеклом казался размытым, небрежным наброском акварелью. Я сидела на широком каменном подоконнике, глядя на искаженные тени деревьев, и пыталась нащупать хоть какую-то логику в этом абсурде. Телефон не ловил сеть, и это бесило больше всего. На самом деле неприятное чувство неправильности и отчаяния уже закрадывалось в душу.

Дверь открылась с тяжелым, властным скрипом. Вошел тот самый парень. Влажные волосы, зачесанные назад, открывали высокий лоб и чистые линии висков. Без зеленоватого грима проступила его настоящая, породистая бледность. Он уверенно подошел ближе, и я невольно засмотрелась на то, как капля воды скатилась от его виска к волевому подбородку, теряясь в воротнике-стойке. Парень больше не выглядел растерянным.

Он держался великолепно: разворот плеч, прямая спина и стать человека, привыкшего, что мир вращается вокруг него.

В проеме двери мелькнула ещё одна фигура, но в темноте коридора было не разобрать, кто это был — лишь черный силуэт.

— Ваше высочайшинство. — Я намеренно смиренно

склонила голову, не двигаясь с места.

— Леди Анна, нам нужно поговорить. — Его приветственный кивок вышел едва заметным, а фразы сухими и официальными, как чеканят заученный текст.

— Послушай, я ужасно устала. Выйди уже из образа и скажи, когда подойдёт главный? Мне очень пора! — Я начала закипать. — Если я должна за что-то платить, то буду обсуждать это с ответственным. Хотя платить я ни за что не собираюсь! Тем более после вашего рукоприкладства. Это вообще скорее твоя вина, чем моя. Ты мог бы просто сказать, что у вас тут съёмки, и я бы не...

— Прекратите, — обрубил он на полуслове.

Я замолчала. «Принц» выглядел измотанным. Тяжело опустившись в кресло, он коротко указал на место напротив.

— Сядьте. — Это не было просьбой.

Мне не было его жалко, на меня усталость давила не меньше, но и спорить не хотелось. Чисто из любопытства, что он выдаст дальше, я спрыгнула с каменного подоконника и плюхнулась на стул.

Он сидел, аккуратно расправив полы своего безупречного наряда и удерживая спину нарочито прямо. В повисшей тишине я открыто разглядывала его. Заметила, как чуть заметно подрагивает его рука на колене. Как сам он остаётся отрешённым, глядя куда-то сквозь меня. И то, как при всём этом он раздражающе холен и безупречно красив. И что хуже всего, наверняка знает об этом.

— Леди Анна. — В этот раз я решила промолчать: мама всегда говорила: хочешь что-то узнать — дай человеку самому запутаться в своих словах. — У нас мало времени. Скорее всего, вы думаете, что это все какое-то представление, но, уверяю вас, все по-настоящему. Я принц, и сегодня день передачи Договора. Мой отец и всё королевство ждут завершения церемонии. А наш Маг убежден, что вы не из нашего мира.

ЭЙЛАН

Мне никогда не доводилось сообщать плохие новости — обычно это делали советники, помощники или, на худой конец, Моран. Но отец ясно дал понять: эта проблема теперь на моей совести.

Девчонка держалась вызывающе. Вместо того чтобы осознать серьезность своего положения, она начала выискивать что-то на потолке, бормоча про «скрытые камеры». Понятия не имею, о каких камерах в соборных помещениях она говорит, кандалы и решетки у нас были только в подземной части замка, и я очень надеялся, что до этого не дойдет.

Её манеры раздражали. Она не подбирала слов и не выказывала ни грамма почтения к будущему королю. Моё терпение, и без того истощенное позорным обмороком и раздражением отца, окончательно лопнуло.

— Леди, послушайте меня внимательно. — Я подался вперед, чеканя каждое слово.

Я должен был звучать твердо, как подобает Наследнику, а

не мальчишке, слову которого не доверяют.

— Мы не можем утверждать наверняка, как вы здесь оказались, но вы вне привычных вам границ. Если «кино» — это место вашего рождения, то забудьте о нем. Вы находитесь в землях Королевства Пяти Пределов, в соборе, где сегодня должна была пройти моя инициация. И вы одна из нескольких причин срыва самого важного события в моей жизни.

Я замолчал, выдерживая её долгий прямой взгляд. Мне не было её жаль — скорее, я злился, что случайная девчонка стала свидетелем моего позора и препятствием для моего триумфа.

— Я не знаю, как вас убедить, — добавил я холоднее. — Но если вам нужен веский аргумент — я предоставлю его.

В комнате повисла такая тишина, что было слышно, как потрескивает нагар на свечах. Насмешливая маска девушки наконец дрогнула. В её серых глазах появилось что-то новое — тяжёлая, свинцовая серьёзность, смешанная с глубоким недоверием.

— Выведи меня на улицу.

АННА

Мы стояли у черного выхода музея. Пройти через залы к главному входу принц отказался, но и этот выход я знала как свои пять пальцев. Дождь припустил и теперь лил сплошной стеной, отсекая нас от остального мира. Территория за зданием была пуста, а пейзаж окончательно утонул в сером мареве.

Я шагнула под ливень. Ледяные капли мгновенно пропитали толстовку, но я не остановилась. Уверенно двигалась вперед по хлюпающему гравию, ожидая, что вот сейчас, через десяток шагов, из тумана проступит кованый забор музея. А за ним тротуар и дорога с гудящими машинами. Никакие декорации не в силах стереть шум города.

Я знала каждый сантиметр и этого двора. Сколько ступеней на маленьком крыльце. Сколько бежать до ворот, где я часто ждала маму. Но ни забора, ни шума, ни машин не было.

Только ливень, размытая проселочная дорога и бесконечные, чужие заросли кустарника. Принц окликнул меня с крыльца. Он не видел, что мой нос покраснел от слёз, а губы бьёт крупная дрожь. Для него я оставалась лишь упрямой, уверенной спиной, готовящей новую порцию невозможных вопросов.

— Ле... Анна, — громко позвал он.

Но я не двинулась с места. Спустя несколько секунд звук приближающихся шагов закончился в тот же миг, когда на мои плечи легла тяжелая ткань камзола. Но сочувствия в голосе парня так и не было.

— Давайте зайдем внутрь, вы промокли насквозь. Возможно, вы не дома, но это не повод рисковать здоровьем.

Холод наконец добрался до костей. Я развернулась и молча побрела обратно к музею. Паника, до этого дремавшая где-то глубоко, начала ледяными пальцами сжимать горло.

Это было не кино.

Пара, сидящая на диване малого зала, выглядела странно. Рядом с молодым человеком, чей безупречный наряд идеально сидел по фигуре, девушка в своей простой одежде казалась случайным посетителем, которого забыли выставить за дверь.

Он обладал той редкой, почти невыносимой красотой, которая присуща древним династиям.

Тёмные волосы выгодно контрастировали с аристократичной бледностью и тонким, поразительно ровным носом. Густые брови и острый разрез глаз лишали его облик юношеской мягкости. Он выглядел именно так, как предписывал статус наследника империи — собранным, холодным и привыкшим к безоговорочному подчинению.

Девушка на его фоне казалась неуместной и колючей. Она сидела, упрямо отвернувшись к окну и демонстративно игнорируя соседа. Светлые волосы, наспех стянутые в полуразвалившийся хвост, растрепались, а мешковатая куртка полностью скрывала фигуру.

Её открытое, живое лицо сейчас осунулось. Яркие серо-голубые глаза, в которых обычно читался живой интерес ко всему вокруг, теперь казались непривычно блёклыми от растерянности. Чужой мир оглушил её, и этот внутренний ступор сквозил в каждом её движении.

— Значит, в вашем мире есть маг. А значит, и магия, —

нарушил тишину слабый девичий голосок. — Значит, это вы меня сюда... привели? И значит, сможете отправить обратно?

— Это был не я, — поспешно отрезал парень и, помедлив, добавил чуть тише: — По крайней мере, не намеренно.

— Что значит «не намеренно»?! — тут же вспыхнула девушка. — В первый раз я вышла нормально, в свой мир! Но стоило мне вернуться за телефоном, как ты схватил меня — и мы оказались здесь! Это твоя магия всё испортила!

— Да послушайте же вы! — принц тоже вспыхнул, и в его голосе зазвенело раздражение. — Я понятия не имею, что произошло в той нише. Это не моих рук дело!

Дверь распахнулась.

— Дети, — мягко произнесла леди Аннабель, опережая мага на два шага.

Эйлан запнулся на полуслове. Это обращение, такое неуместное в присутствии чужачки и мага, ударило по его самолюбию.

— Я вижу, вы оба в шоке, но сейчас не время для споров, — продолжила женщина.

— Инициацию нужно завершить. — Моран выступил из её тени. — Подходящий период заканчивается, гости нервничают. Принц?

Эйлан тут же поднялся, но, сделав шаг, на мгновение замешкался. Он мельком обернулся на девушку, хотя она даже не посмотрела на него.

— Я побуду с леди Анной, и мы подойдем через минуту.

— Аннабель подошла к племяннику. Она поправила его и без того идеальный ворот, а затем на секунду взяла его лицо в ладони. Эйлан не шелохнулся, покорно принимая заботу, хотя челюсти его оставались крепко сжаты.

— Ты справишься, дорогой. Иди.

Принц выпрямился, коротко кивнул тётё и, вновь надев на себя маску истинного наследника, уверенным шагом покинул комнату. Маг тенью последовал за ним.

АННА

Мы остались одни. В наступившей тишине шорох юбок невероятно богатого одеяния этой статной женщины звучал оглушительно.

— Как ты, дитя? — Она вся так и светилась мягкой заботой и вниманием. — Я слышала, что ты оказалась в нашем мире не по своей воле. Наш маг Моран — человек сложный, но его знания глубоки. Если кто и сможет помочь тебе вернуться, то только он.

— Я очень надеюсь, — я запнулась, пытаюсь подобрать правильные слова. — И простите, я не знаю, как к вам обращаться, — поспешно добавила я, надеясь, что правда послужит мне щитом.

— Леди Аннабель, этого достаточно, но ты можешь звать меня по имени, когда мы одни. — Леди расправила складки тяжелой ткани на коленях. — Я думаю, я могу сделать тебе такую поблажку, учитывая необычность твоего появления.

— Тогда я буду рада, если вы тоже не будете называть ме-

ня «леди». — Я слегка расслабилась. — Ваш принц назвал меня так столько раз, что мне до конца жизни хватит.

— О, — Аннабель легко засмеялась. — Не зря я потратила столько лет на его воспитание. В нашем мире титулы — это не просто слова. Если принц перестанет следовать правилам, народ может решить, что законы больше не обязательны. Пять пределов пристально следят за нами.

Она поднялась, и мне невольно **пришлось последовать** её примеру.

— Нам пора. Надеюсь, там уже всё готово. Эйлан так ждал этого дня... Пойдем, Анна. Сегодня ты наша гостья. Моран считает, что твое присутствие во время обряда может быть... информативным для него как для мага. Но ты просто стой смирно и старайся не привлекать лишнего внимания.

Аннабель стремительно, но величественно двинулась к выходу, и мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ней, гадая, что еще «информативного» может случиться, если я снова окажусь рядом с этим проблемным «Высочеством».

Глава 5. Дубль два

ЭЙЛАН

Когда вижу ее вновь, вокруг нее толпа. Весь зал затаил дыхание в благоговении. Все взоры устремлены на меня, стоящего на пьедестале, преемника незыблемого договора, будущего короля, драгоценную кровь, что спасет и защитит тысячи моих подданных. Но она единственная, кто не смотрит на меня. В момент, когда золотой обруч с тончайшим рисунком из сотен рун почти касается шеи, она разглядывает потолок. Смотрю на неё, и вместо пьянящего триумфа внутри вскипает глухая, едкая злость.

Привычный флёр очарования внезапно отходит, и магия за спиной ошетиливается, обнажая моё уязвленное самолюбие. По залу волной стелется шёпот: толпа не разглядит изъяна глазами, но чувствует брешь в моей силе, как стая зверья чувствует кровь. Я спешно заставляю себя сконцентрироваться на обруче, и сила рода успокаивается. Но вкус поражения уже растекается на языке.

Я перевожу взгляд за спину отца. Кажется, он не заметил перемен, но тетя не дает мне такой поблажки. А за ее плечом ещё одна пара требовательных и слишком внимательных глаз. Маг стоит в тени, но ему и не нужно быть ближе. Он точно видел.

И, очевидно, сегодня совершенно не мой день. Вторая по-

пытка инициации — и вновь мои ноги подкашиваются. Обруч тяжелеет. Руны бледнеют одна за другой. Прозрачный камень на цепи наливаются мутным цветом. Замечаю, как подрагивают руки отца, удерживая вес не только золота, но и рвущейся по кольцу магии Контура.

Отец раскрывает концы обруча, и они почти касаются моей кожи, когда все вокруг меркнет под натиском того, как откликается мое тело.

Боль. Она вкручивается в виски калёным винтом, по позвоночнику кипящим маслом проходит волна, и на секунду кажется, что меня рассекло надвое. Колени подгибаются, со всей силы встречаясь с холодным камнем пола. Резкий, металлический привкус крови во рту и звон в ушах заставляют низко опустить голову.

С трудом разлепив один глаз, наблюдаю, как обвес, который должен был драгоценной слезой покоиться у меня на груди, бешено раскачивается на цепи в руках отца, искря и выбрасывая россыпь злых колючих искр. Но тут же мое сознание сужается до точки. Хватаю воздух ртом, но в застилавшем мир тумане ясно понимаю: я больше себе не принадлежу. Чужая, колоссальная воля сминая меня, не давая сформироваться ни одной мысли. Я обмякаю безвольной тряпичной куклой, которую насадили на чужую руку. Всё, что теперь могу — подчиняться чудовищному движению чужих пальцев, ломающих меня под себя.

Кашель рвется из легких, и мои волосы, так тщательно

уложенные назад, теперь беспорядочными прядями падают на лицо, скрывая мой позор. Наконец кулак разжимается, нехотя соглашаясь, что еще не время. Воздух врывается в мои легкие и ощущается как первый вдох в жизни. Королевская кровь отчаянно бунтует в жилах, выстраивая защиту, но так медленно, что, кажется, проходит вечность, прежде чем я могу подумать хоть о чем-то, кроме ужаса беспомощности. Не знаю, сколько прошло времени в этом кошмаре, но когда поднимаю голову, вижу, что отец только-только передал обруч советнику и наклоняется ко мне.

Значит, всего пара секунд.

Чтобы подняться, мне приходится опереться рукой на холодные плиты под ногами. Едва мои пальцы касаются вековых камней, по стыкам замудренного орнамента, выбитого в полу, бежит голубая искра. Она резво бьется об углы, двоится и троится на стыках, живым огоньком, и, наконец, тонет в основании пьедестала, где скрыта церемониальная чаша.

В тот же миг мир вокруг мелко вибрирует, дребезжа натянутой до предела струной. Зрение подводит, превращая лица подданных в расплывчатые пятна. Шепот в толпе звучит как шипение змей, в спине и затылке пульсирует, а в руках, до самых кончиков пальцев, остро колется магия.

Наконец злая волна поднимается внутри меня: на себя, на свои неработающие чары, на голод и слабость, от которых тело начинает сводить спазмами, на боль и беспомощность. Ярость придает мне сил. Я отталкиваюсь от пола и встаю

во весь рост. Толпа вытягивается в струну. Отец уже успел убрать так и не сомкнувшийся на моей шее атрибут договора, и его большая жесткая ладонь сжимает моё плечо.

— Сын, ты в порядке?

— Нет, отец. — Возможно, я слишком резок.

— Эйлан, — тихий, укоризненный голос тети звучит совсем близко.

Раздражение хлещет под ребрами:

— Приношу свои извинения, я странно себя чувствую.

— Что-то не так. — Маг уже рядом с королем. — Его магия бунтует и может причинить ему вред, нужно все проверить.

— Но время уходит. — Советники взволнованы. — Цикл сегодня, или вновь ждать, а сила защиты слабеет!

Властным движением король останавливает их на полуслове.

— Моран, мы можем попробовать ещё раз?

— Я не уверен, что преемник выдержит. — Маг был тише, чем шелест травы на ветру. Но и отец, и я всё слышали.

И всё действительно откладывается. Я снова в Малом зале. В теле — свинцовая тяжесть, в голове — ослепляющая пустота от мыслей. Когда заходит Анна, у меня нет ни сил, ни желания, но я не позволяю себе сидеть. Встаю и коротким, властным жестом указываю ей на место напротив. Ей некуда идти, а мне нужно проследить, чтобы она не угодила в неприятности.

— Мы нашли старика Себастьяна. — Стражник вошел в кабинет, чеканя каждый шаг и слово, а я так и стоял у своего места. — На него напали. Он в лазарете.

Новости сыпятся все разом. Стража отчитывается перед королем, маг и его советники заняты, обо мне все снова забывают.

Магия пульсирует так, что голова идет кругом, но я не позволяю мышцам лица дрогнуть. Уши закладывает, голоса доносятся как сквозь толщу воды, зрение сужается до узкого туннеля. Воздух в зале становится густым, как смола.

Но я больше не упаду. Медленно отступаю назад, пока ноги не касаются края дивана, сажусь. Спина вот-вот треснет, но я держу её подчеркнуто ровно и надеюсь, что никто не заметил, как дрожат мои колени. В груди давит, на ребрах примостилось копыто коня, не иначе, а сердце бьется с такой силой, что, я уверен, его слышно всему залу.

Я поднимаю руку. Медленно, с выдержкой, которая вбита в меня с пеленок, касаюсь пальцами верхней пуговицы, в попытке ослабить давление. Под волосами на затылке выступил ледяной пот, но двинуться больше я не могу.

Короткий, рваный вдох. Я запрещаю себе задохнуться. Выдох.

Вдох. Я — Наследник Пяти Пределов, меня не сломить плохими новостями. Но ничего не выходит.

И вот я уговариваю себя на еще один выдох, небольшой, любой.

Воздух забил легкие и горло, затвердев, как намокший песок. Прямо передо мной начинают расплываться цветные круги, а темнота скрадывает всё больше и больше пространства вокруг... И внезапно на мое плечо ложится чья-то ладонь, и все стихает.

АННА

Церемония опять пошла псу под хвост. А меня опять притащили к принцу под присмотр. Хотя он сейчас явно ни за кого не мог быть в ответе, даже за себя.

Я сидела, нарочито отстраненно рассматривая лепнину на потолке, но на самом деле я слушала. Я слышала всё: и тяжелые шаги короля, и кучу пытливых вопросов от мага, и то, как этот бедный наследник пытается выдавать четкие ответы, пока голос не начинал предательски вибрировать. На него давили со всех сторон. И, видимо, он сам на себя не меньше.

В любой другой день я бы беззастенчиво любовалась этим безупречным королевским лоском — его выверенной грацией и врожденным достоинством, которые читались в каждом жесте. Ему поразительно шли и ледяной тон, и надменная отстраненность. А черный, расшитый золотыми нитями камзол был произведением искусства. Но я больше не могла себе позволить безостановочно его разглядывать, и потому ограничивалась лишь короткими, мимолетными урывками.

Чирк. Ну какие же широкие плечи.

Чирк. Безразличный взгляд на идеальном, словно выду-

манном кем-то лице.

Чирк. Длинные, сильные пальцы тянутся к воротнику.

Чирк. Шаг назад и, словно сбой в системе, едва заметное неловкое движение. Я смотрю внимательнее на то, как он тяжело опускается на диван. Пальцы впились в колени, сминая ткань брюк, дыхание участилось — короткие, рваные вдохи, которые не приносят кислорода, а выдохи все реже. Сам он оцепенел, уставившись в одну точку пустым, остекленевшим взглядом.

Что ж, для меня это было очевидно, ведь я видела это десятки раз: у моей мамы такие приступы часто случались в первые годы после ухода дяди. Классическая паническая атака.

Я оказалась рядом быстрее, чем успела подумать, и решительно положила ладонь ему на плечо.

— Ваше высейшество, кажется, у вас паническая атака. Давай мы возьмем себя в руки и не будем больше падать в обмороки сегодня. Пол каменный, все дела, голову разобьете.

Он, разумеется, не ответил. Дыхание сбилось на короткие, частые вдохи, на висках проступила мелкая испарина, а влажные пряди живописно рассыпались по лбу. На очередной попытке ухватить воздух его полные губы приоткрылись. Он быстро скользнул по ним языком и тут же спрятал его за ровными белыми зубами, я и сама слегка смутилась. Да что же это за голливудская паничка такая, где камеры,

когда они так нужны? Усилием воли я напоминаю себе, что отвлекаться рано.

— Слушай. Посмотри на меня. — Я чуть сжала его плечо, заставляя и себя, и его сфокусироваться. — Послушай. Это вопрос жизни и смерти. — Мой тон был максимально серьезен.

Нет, все еще не со мной. Нужно было срочно его вытащить, пока он не утонул в собственном страхе. И я применила самое дурацкое средство.

— Вашвышенство? — Его глаза дернулись в мою сторону. Я уловила волну уже его привычного на меня раздражения, и это было именно то, что надо.

— Принц, наследник, вашинство. продолжила я гнуть свою линию, пока его внимание наконец не зацепилось за мои губы. Он явно ждал вопроса не иначе как о судьбах королевства или тайных заговорах.

— Да... что? — выдавил он.
— Скажи мне, если бы ты был супом, то каким? Овощным или с фрикадельками?

Наследник дернулся, его система явно дала сбой: моргнул, брови поползли вверх, рот смешно приоткрылся. Интересно, он знал, что такое «фрикадельки», или в этом мире нет такого деликатеса?

— Что... какой суп? — наконец-то прорезалось искреннее возмущение, вытеснившее весь ступор. — Вы в своем уме?
— Ну, я просто пытаюсь понять твой внутренний мир, —

пришлось продолжить ломать комедию. — Я, например, была бы том-ямом с креветкой.

— Томьямом? Что за бред? — Он смотрел на меня, как на безумную.

— Вообще-то очень даже вкусно, остренько. — Я сделала вид, что обиделась, и ощутимо шлепнула его по колену. — Любишь острое, Ваш-величество?

Он вздрогнул, когда этот физический импульс прошел через него, как разряд тока, окончательно вышибая остатки паники.

— Ваше Высочество, — машинально поправил он, слегка отодвигаясь от меня, и, хотя голос еще хрипел, звучал он уже намного увереннее. — Неужели так сложно запомнить?

— Ну, непросто. — Я спокойно выдержала его раздражение, не спеша убирать руку с плеча.

Даже теперь, когда его зрачки сузились до нормальных размеров, в них все еще отчетливо отражалась моя довольная физиономия.

— Видишь, и «паничка» отступила. Можешь теперь снова изображать великого и недоступного. Круто же?

— Что за «круто»? — Высокая фигура мага материализовалась совсем близко.

Моран смотрел на нас как на тех, кто только что совершил государственную измену. Принц тут же выпрямился, и моя рука легко соскользнула с его плеча. Мне не понравилось выражение его лица, но даже если он всё ещё злился на

мой вопрос про суп, он хотя бы больше не задыхался.

Мужчина коршуном навис над двумя, на его взгляд, ещё почти детьми.

— Что за круто? — Его тон был более требовательным, чем обычно в обращении с принцем, и они оба мгновенно это считали. — Вы что-то поняли? — заметно смягчился он.

— Пока что нет. Есть новости? — Эйлан отзеркалил требовательную интонацию мага.

Тот лишь слегка склонил голову в формальном поклоне и, как ни в чём не бывало, продолжил:

— Новости неутешительные.

Парень и девушка не перебивали. Слова тяжело падали им на плечи, скатывались тяжелыми мурашками по позвоночнику и гулко разбивались у их ног.

Магия принца бунтует и может быть опасна, для него в первую очередь. Церемония вышла из-под контроля, и это подвергает опасности все королевство. Но самый главный вопрос — кто и зачем напал на Себастьяна старшего. Старик никогда не нес никакой политической угрозы, никак не относился к церемонии и в целом был мирным и тихо уважаемым человеком при дворе.

— Так это случайность или все было спланировано? — наконец задал важный для него вопрос принц.

— Вначале это выглядело скорее как досадная неудача, — маг тщательно подбирал слова после небольшой паузы.

— Но нападение указывает на саботаж. Хотя пока что мне все еще непонятна причина *вашего* состояния и мотив нападения на старика Себастьяна.

Анна вела себя тихо. На самом деле ей совершенно ничего не шло в голову. Она всё ещё не понимала, как стала частью этого спектакля, и держала в уме запасной план возвращения домой через нишу за портьерой.

Она отстранилась от эмоций и решила отложить свою панику на потом. Потому не особенно стремилась вникать в происходящее и просто ждала момента, когда ей позволят отчалить обратно. Никакого очарования от этого путешествия она не испытывала. Её таскали, били по голове, хватали, и она уже порядком проголодалась.

— Леди сможет вернуться к себе? — спросил принц.

АННА

Я вздрогнула. Какая неожиданная забота... или это он просто хочет быстрее избавиться от меня?

— Пока не знаю. — Маг задержал взгляд на мне. — Возможно, она здесь не случайно.

— А возможно, случайно, — отозвалась я со своего места. — И я хочу вернуться обратно.

В дверь робко постучали.

— Мы принесли то, что вы просили.

Молодой парнишка в темной мантии нерешительно мялся в дверях, пока маг не протянул руку. В ладонь немедленно лег свиток, перевязанный темной нитью. Когда парнишка

в полупоклоне двумя руками возложил свиток в руку мага, меня кольнуло смутное предчувствие.

— О нет... Это что, — стоном вырвалось из груди, — пророчество? Та самая история про избранного и предсказание?

Мужчина застыл.

— Что вы знаете о предсказании?

— Ничего. Кроме базы. Будет Избранный. Выживет только один. Куда-то точно придётся тащиться. А еще ему понадобятся друзья, которые, не имея никакой фан-базы, попрутся за ним.

— Фан-база? Что это? — не удержался от вопроса принц.

— О, не переживай, — буркнула я, — у тебя она точно будет. С твоей-то статью и этими всеми... — Моя ладонь покружила в воздухе, охватывая его целиком. — Глазами и... плечами.

Принц посмотрел на меня искоса. В прищуре читался глубокий вопрос к моей адекватности. Но стоило ему отвернуться, как он с самым незаинтересованным видом выровнял и без того образцовую осанку.

Маг с трудом оторвал подозрительный взгляд от чужачки и наконец развернул свиток.

— Ни про какого избранного тут речи нет, — как будто даже с сожалением произнес он.

Маг передал бумагу принцу, и я тут же вклинилась рядом, бесцеремонно пытаюсь заглянуть через локоть наследника, хотя из-за разницы в габаритах это была та еще задачка.

— Что это за чушь? — вырвалось само собой, когда глаза выцепили пару строчек.

Не дожидаясь приглашения, я буквально повисла на руке наследника и перехватила бумагу, притягивая её к себе. Я даже не заметила, как он возмущенно цыкнул и шарахнулся в сторону от моего прикосновения.

ВНИМАНИЕ: Настоящий протокол применяется в случае срыва штатной передачи полномочий.

В данной ситуации Контур переходит в режим аварийной стабилизации. Срок действия — один полный л. цикл.

По истечении 1 л.ц. система инициирует повторную попытку восстановления линии, в случае неудачи запускается процедура полного сброса Контура.

Глава 6. Месяцы и годы

АННА

Я попыталась проморгаться, потом потерла глаза, потом повертела головой, заглянув в лицо принцу, чтобы удостовериться, что он тоже это видит.

Что это за пророчество такое? Инструкция по установке интернета залетела в этот мир с попутным ветром, и теперь они молятся на неё?

На пожелтевшем, древнем «пергаменте»?

Вовсе это и не пергамент. Это обычный лист, разве что не в клеточку, приклеенный каким-то образом к более плотной бумаге, на котором красовался ровный, аккуратный почерк.

Самый обычный текст. Никакого высокого слога, никаких витиеватых предзнаменований, и ни одного «один не будет жить, пока жив другой». Теперь я тоже была слегка разочарована. Но принц все еще держал это как драгоценную реликвию.

Тогда я вернулась к чтению текста, от которого меня знатно подташнивало ещё в моём мире:

РЕГЛАМЕНТ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЛИНИИ

Статус: Передача прав не завершена в установленный цикл.

Линия Оператора продолжается по линии крови в порядке иерархии концентрации — от прямых наследников к вспо-

могательным носителям.

ИНСТРУКЦИЯ ПО ДИАГНОСТИКЕ

Выявление приемника и подтверждение его принадлежности к действующей линии.

Проверка целостности базовых накопителей в ключевых узлах.

Завершение процедуры фиксации полномочий в Главном Узле.

При невозможности выполнения п.1 система инициирует попытку автоматического поиска совместимого оператора методом последовательного перебора существующих носителей крови. Новый приемник подтверждается системой автоматически.

ВАЖНО: вмешательство в процесс перебора запрещено в любом виде и любыми способами.

При нарушении п.2: отсутствие или неполадка в работе базового накопителя провести передачу полномочий невозможно, что приведет к сбросу системы до базовых настроек по завершении одного полного цикла.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ:

Глаза быстро побежали по строчкам, выхватывая сухие, знакомые фразы, которые я никогда не читаю: «... базовые накопители... линия оператора... сброс системы...»

— Это же обычная инструкция, — тихо пробормотала я.

— Что вы сказали? Вам знакомо это наречие? — Маг ухватился за мои слова и, сам того не замечая, бесшумно

приближался ко мне. — Вы, Анна, слишком много знаете для случайной жертвы.

— Я ничего не знаю! — Паника подступала к горлу. — Это обычная инструкция!

— Инструкция?

— Да! Но вы же сами разобрались, тут даже сноски есть. — Я ткнула пальцем в поля листа, где уже другим, размашистым и нервным почерком были нацарапаны какие-то пометки.

Моран медленно кивнул, но продолжал испепелять меня подозрительным взглядом.

— И что вы думаете насчет всего этого?

Внутри всё окончательно заледенело.

— Ничего я не думаю. — Я вмиг охрипла. — Инструкция как инструкция. Незаконченная.

— Почему незаконченная?

— Там в конце двоеточие.

— Вы определённо понимаете этот текст. Может, просветите меня? — Маг был слаще мёда.

— Я понимаю, что я не хочу в этом участвовать. — Скрестив руки на груди, я упрямо отвернулась к окну. — Даже если бы хотела, я не смогла бы сказать больше, чем то, что написано.

Пока я готовилась обороняться, комнату заполнил низкий гул. Камни задрожали, а с потолка посыпалась пыль.

— Это не к добру, — пробормотал маг и, больше не удо-

стоив нас ни единым объяснением, устремился к выходу. — Не отходите от них ни на шаг! — бросил он кому-то в коридор.

В ту же секунду в дверях мелькнула пара стражников разного калибра вооружения. Лязг металла так и остался за дверью, но нас с принцем разделяло не пять шагов по комнате, а километры отчуждения. Мне оставалось лишь ловить его горделивый профиль в навалившейся бескомпромиссной тишине.

ЭЙЛАН

Балаган длился часами. Меня перемещали из залы в залу, знаменем, что не успели водрузить на башню. Обсуждали планы, искали следы предателей, строили догадки. Отец куда-то исчез, и это заставляло нервничать еще больше. Какие проблемы я создал для него и что ему сейчас приходится решать из-за непутевого сына?

Так ещё и она таскалась за мной тенью. Присутствие чужачки за спиной ощущалось как постоянный зуд — живое напоминание о провале и этом нелепом пророчестве, связавшем нас мертвым узлом. Почему для нее это был просто понятный текст, а для великого мага моего королевства — священные писания? Откуда она и что она видит во мне, если родовая магия над ней не властна?

Наконец мы опять остались одни, в том самом зале, где всё началось. Моран ушел к королю и советникам, с трудом оторвавшись от Анны. Последний час он задавал так много

вопросов, будто пытаюсь прямо сейчас раскопать её сознание до основания и вытащить оттуда все тайны обоих миров. Стража за дверями, кажется, уже кумарила стоя.

— Ваше высочество... — Интонация девушки больше не была такой мягкой, как когда она лечила мою панику.

— Леди Анна, — эхом отозвался я, разглядывая вид за окном. Переключка удалась, хотя мне этого не хотелось.

— Послушайте. — Она подошла ближе. — Я не знаю, как я здесь оказалась и зачем. Но всё, чего я хочу, — вернуться домой.

Она аккуратно подбирала слова, будто я был не принцем, а скорее вредным ребенком, от которого, к сожалению, что-то зависело. А в серых глазах читалось одно: «Ты — не моя проблема».

— И вы поймете меня, если я попрошу вас отпустить меня? Я правда просто студентка, я ничем не смогу вам здесь помочь.

— Пойму, — ответил я, не поворачивая головы.

Плечи задеревенели. Внутри всё сжалось от странной смеси собственной злости и ее правоты. Конечно, она ничего никому не должна, не обязана разгадывать пророчества королевства, которое видит первый день, вникать в чужие дворцовые перепалки и размышлять, кто тут предатель и что ему нужно. Но больше всего меня бесило, что я для нее был просто источником небольших личных проблем.

— Вы можете отвести меня туда, к шторе?

Конечно, она хочет уйти. Я бы тоже захотел. Но сердце на секунду сжалось от сожаления, когда я подумал, что Анну не отпустят. Конечно, ее не отпустят.

В голове всплыл образ отца. Он будет в ярости. Король не тот человек, который привык просить или спрашивать пожелания. Кажется, он был таким не всегда, но с возрастом его характер становился все сквернее. Многие попадали под горячую руку, но пока рядом с ним были тетя и Моран, это удерживало его от совсем уж буйства. И он не будет слушать ее истории, а просто запрет в четырех стенах, и хорошо, если это будут покои.

Но, возможно, стоит попытаться дать ей шанс ускользнуть сейчас?

Тени от свечей плясали на стенах, и мне мерещилось, что моя магия, черным туманом, лезет из-под сапог и вьется за моими плечами, вторя моему разочарованию. Я повернулся и успел заметить, как Анна завороченно вглядывалась куда-то за мою спину. Интересно, что она видит?

И вдруг на мгновение на ее лице мелькнуло что-то похожее на жалость. Жалость... это хуже всего.

Я выпрямился, возвращая себе маску ледяного безразличия, которой меня так долго учил отец. Стоит попробовать, пока Моран не вернулся, может, получится сделать вид, что она сама сбежала. Надо увести стражу.

— Тебя отведет паж, — бросил я. — У меня много дел.

Я развернулся и вышел, чеканя шаг по камню, спиной

ощущая ее недоумение.

Беги, девочка, пока еще можно.

Дверь открылась с тяжелым скрипом. Стражи в коридоре не было, но там уже стоял Моран. Он выглядел слишком спокойным для человека, чей план на день и ближайшие годы королевства только что вылетел в трубу.

— Вы решили отпустить ее, Наследник?

Я остановился. Теперь ей не сбежать.

— Не вижу причин ей здесь оставаться. Зачем нам в делах пределов поможет чужачка?

— Возможно, вы правы. Я провожу ее к нише.

А вот это странно. Зная отца он бы первым делом запер её в камере, как угрозу, а маг скорее разложил бы на составляющие, как артефакт. В этой его готовности отпустить её сквозила скрытая игра, правила которой мне были неясны. Но больше я не мог ничего для нее сделать, да и силы были на исходе. Магия под ребрами ворочалась тяжелым зверем, в висках пульсировало.

— Делай что хочешь, — я отмахнулся, не желая вникать.

— Только проследи, чтобы она действительно исчезла.

Анна колебалась. Уже пару минут она стояла перед тяжелой тканью в полупустом зале, где тут и там виднелись остатки бывшего пиршества. Скоро всё приберут, и зал замрет до следующего торжества. Но это была другая история другого мира, и она не касалась замершей на полушаге девушки.

Маг стоял прямо за её спиной на почтительном расстоянии. Она была благодарна ему за то, что он почти не выкалывал своего присутствия: не вздыхал и не торопил.

Воспользовавшись этой тишиной, Анна украдкой обернулась, чтобы рассмотреть его: ему можно было дать лет сорок, и он был по-своему красив — той холодной, пугающей красотой, которая бывает у скальпеля или выверенной архитектурной пропорции. Ни одной лишней морщины, ни одного случайного жеста. В его облике не было суеты, только выжидающая, ледяная сосредоточенность.

— Вы сомневаетесь в своем решении? — вопрос Мага заставил её вздрогнуть.

Девушка была явно разочарована, что её сомнения были слишком громкими для окружающей тишины.

— Я не понимаю, чем я могу помочь принцу.

Маг вздохнул и демонстративно шагнул вперед.

— Пока что мы можем лишь предположить, что факт вашего присутствия не случаен. Вы понимаете текст пророчества, это уже немаловажно.

— Но чем именно я могу помочь, вы не знаете?

— Пока нет. — Маг картинно развел руками.

— Это опасно? — Наконец она задала самый важный для себя вопрос.

— Да. — Простой ответ был самым честным. — Я хотел бы сказать, что в замке вы в безопасности, но из-за последних событий и это уже может быть неправдой.

К сожалению, такого риска она себе позволить не могла. Этот мир вполне мог обойтись и без нее. А дома ее ждала мама.

— Я надеюсь, вы справитесь. — Она уверенно взялась за край шторы. — Прощайте.

Мужчина склонил голову, когда её фигуру скрыли тяжелые складки бархата. Но он не двинулся с места. Маг чувствовал и даже точно знал: за этой тяжелой тканью сейчас лишь стены его мира, и нет никаких следов чего-то иного. Девушка то входила, то выходила обратно. В первых попытках была надежда, но после один-единственный зритель имел честь наблюдать целую палитру её эмоций: гнев, отчаяние, отрицание. Она то была в слезах, то нервно хихикала. Маг стоял неподвижно, он никуда не торопился. Слом надежд — дело важное.

В какой-то момент девушка затихла. Она сидела в темноте ниши и тихо всхлипывала. За ткань скользнула рука мага и протянулась к ней ладонью вверх. Несколько мгновений спустя Анна позволила вытащить себя из пыльной ниши.

— Я не чувствую магии перехода. — Горькая правда без лишних вступлений. — Точно не сейчас.

— А когда? Когда она появится? Вы же великий маг, сделайте что-нибудь!

— Магия этого мира — это не фокусы, Анна. Это структура. И сейчас она разрушена. Контур нестабилен. Единственный способ восстановить связь между мирами — это восста-

новить баланс и провести церемонию. Без этого вы заперты здесь.

Внутри все похолодело.

— Значит, я не попаду домой, пока принц не пройдет эту... церемонию. А церемонию можно провести когда, что?

— Когда мы поймем, что пошло не так, и не раньше чем через двадцать восемь дней. Думаю, скопление больших объемов магии открыло портал сегодня днем, значит, нужно попробовать повторить это в такой же день.

Внезапно из кармана Анны раздался странный чирикающий звук. Маг с подозрением покосился на неё, но вслух ничего не сказал. А вот девушка подпрыгнула на месте, выхватила из складок одежды свою «волшебную коробочку» и принялась тыкать в неё пальцем. Коробочка засветилась и начала издавать странные звуки. Мужчина с нарастающей суровостью изучал предмет в её руках.

— Возможно, я ошибался. — Он шагнул ближе. — Магия всё же есть. Почему я не чувствую её?

— Это не магия. — Анна засветилась от счастья. — Это телефон! Тут ловит сеть!

— Сеть? — Маг пытался не удивляться, но сейчас это получалось с трудом.

— Да-да, сеть!

Звуки из коробочки не прекращались, а маг, пользуясь тем, что девушка уже ни на что не обращает внимания, невзначай принялся оглядывать пространство вокруг и даже

прошелся туда-сюда, мимолетно проводя руками в тщетных попытках обнаружить магическую сеть.

— Ничего не понимаю, — бормотала она себе под нос. — Я ведь здесь полдня торчу... скажите же!

Она резко развернулась и столкнулась нос к носу с мужчиной, который стоял в миллиметре от её плеча.

— А-а-ай! Что за манеры?!

— Что? — Маг отпрянул от неожиданности, но мгновенно пришел в себя. — Что там? Сколько чего здесь?

— Сколько я здесь? Часов восемь? — Анна подгоняла его ответ нетерпеливыми жестами.

— Думаю, около десяти часов.

— Ну, десять, — рассеянно согласилась она. — А она говорит, что звонила мне только что и короткая перемена уже закончилась. Это что же... у них прошло минут десять?

— Кто говорит? Эта штука говорит? Я не слышал.

— Это не штука, это телефон! Да неважно! — В волнении девушка махнула рукой на главного мага, как на нерадивого студента. — Моя подруга через такую же коробочку сообщает мне, что я не отвечаю ей всего десять минут, а тут прошло десять часов!

— Значит... — Мужчина в азарте подсчетов даже не заметил этого.

— Время течёт...

— По-разному! — закончили они мысль друг друга.

Вот только и осознание пришло довольно быстро.

— Значит, здесь пройдут годы, а там — дни?!

— Скорее, — маг задумался и, как мальчишка, начал быстро считать что-то на пальцах, — месяц к году.

— Это же ужасно! Я состарюсь тут! — Она в ужасе прижала руку к груди, но тут же остановилась. — Или нет? Наоборот? Здесь пройдет месяц, а там...

— Если вернем Чашу в ближайшие недели, — он повернулся к Анне с пугающей серьезностью, — то в вашем мире не заметят ничего, кроме пары пропущенных завтраков. Но если у нас не получится... Я не уверен, что тогда этот вопрос вообще имеет смысл.

Осознание ударило под дых. Она не просто застряла на пока что, а рисковала потерять свою жизнь в чужой войне.

— У нас есть пара дней, чтобы всё уладить. — Пальцы лихорадочно застучали по поверхности телефона. — Два дня там — это месяц здесь. Этого должно хватить? Я напишу маме, чтобы она не волновалась, скажу, что останусь у Машки.

— Достаточно, чтобы либо победить, либо сгореть вместе с королевством. — Моран не пытался никого утешить. — Сколько вам лет, Анна? Ваша жизнь всё еще принадлежит родителям? Вы не должны уже быть замужем? — Маг был удивлен, хотя вдруг подумал, что с таким характером ожидаемо, что эту девушку никто не забрал из родительского дома.

— Ну, у девушек обычно такое не спрашивают, но мне всего двадцать один. Не так много, еще могу пожить с родителем, — огрызнулась она. — Мы живем в двадцать пер-

вом веке! Девушке нет нужды высказывать замуж за первого встречного. Мы можем прекрасно жить, учиться и работать независимо от наличия мужа!

— Учиться и работать? — Такт не позволил магу выказать слишком много сомнения. — Хотя почему бы и нет... — Все же Моран не первый десяток лет жил на свете и прочел сотни книг, в том числе и сказок, он был образован и гибок в допущениях возможных чудес.

— Сколько вариантов миров существует. Этот звучит как место, где приятно жить.

— Везде жить хорошо, если есть деньги, — буркнула Анна.

Отойдя на пару шагов от бестактного мага, она снова уткнулась в телефон, но экран не высветил ни одной «палочки» антенны.

— О, а тут уже не ловит. И батарея садится... Придется выключить.

Разочарование накрыло ее с головой. Связь с домом обрывалась, стоило ей покинуть зону «магического пробоя».

— Сейчас, пару минут — напишу сообщения подруге, маме и на работу, пока стою здесь, и можем... ну, идти.

Вдруг, вспомнив о чем-то жизненно важном, снова кинулась за ткань. Спустя секунду она выскочила обратно с победным кличем:

— Вот она! Моя прелесть!

В руках у девушки была объемная сумка-мешок. Анна

прижала её к себе и почти подпрыгнула от радости. Мужчина хотел было полюбопытствовать, что может таиться в этом бесформенном вместилище из другого мира, но, глядя на радостное лицо чужачки, предпочел промолчать. Скорее всего, девичьи штучки.

Пока она была занята, отправляя последние весточки в свой мир, маг решил не терять времени. Он откланялся, оставив Анну на попечение стражника, которому поручил отвести её к карете, как только она будет готова, и строго запретил гулять по территории в одиночку. Руна на её запястье моргнула коротким, холодным синим светом, подтверждая, что готова исполнять свои обязанности.

— У меня есть несколько важных дел. Это быстро, и мы отправимся в замок.

Анна рассеянно кивнула вслед стремительно удаляющейся спине в черном, как ночь, плаще. В памяти что-то вспыхнуло, но тут же исчезло под очередную трель входящего сообщения.

Глава 7. Королевство смирения

ЭЙЛАН

Магия внутри меня больше не обнимала — она скреблась изнутри, кусала за пальцы и требовала объяснений.

Всю жизнь меня учили, что моя кровь — это закон, а магия — вторая кожа. Я ждал передачи Договора как момента абсолютной ясности. Думал, что после церемонии магические магистрали подчинятся моей воле, и я перестану быть просто тенью отца, вечно следующим чужим протоколам. В итоге я должен был сам определять, куда вести королевство. А вместо этого я подбираю осколки своей гордости на полу старой комнаты.

Безумие. В моем будущем — дыра размером с пропасть. А в моей голове — равнодушный силуэт взбалмошной девицы.

Она не захотела помогать. И самое паршивое: в глубине души я понимал её. Это не её борьба. Но это понимание не гасило мое злое отчаяние, оно лишь делало его острее. Как она посмела быть такой... безразличной?

Она не просто невосприимчива к моей магии, она была невосприимчива ко мне самому. Я был ей неинтересен.

Инициацию отменили до следующего лунного цикла. Придется терпеть сочувственные вздохи совета и завуалированные издевки отца. Завтра они с магом найдут решение, и эта нелепая заминка станет лишь сноской в истории моего

правления.

Я возвращался в замок под проливным дождем. Размытые дороги превратили путь в пытку: карету швыряло, как щепку, и в итоге нам пришлось остановиться, не доехав до ворот. Последнюю сотню метров я преодолел пешком, загрывая грязь парадными сапогами под градом ледяных капель. Насквозь промокший и злой, я едва дождался, пока слуги наполнят купальню.

Отогревшись и переодевшись, я взъерошил влажные волосы, изучая свое отражение в потемневшем зеркале. Я выглядел как принц, которого бесцеремонно и несправедливо низвергнули с пьедестала. Дождь за окном наконец стих, уступая место густым, тяжелым сумеркам.

Я уже готов был рухнуть на кровать и провалиться в забытие, вычеркнув этот позорный день из памяти, когда в дверь требовательно постучали.

В мою дверь так стучать было не принято. Внутри все сжалось от дурного предчувствия, а магия под кожей предупреждающе заворочалась. Уверен, девчонка уже где-то в замке, но при чем тут я? Неужели отец или Моран решили продлить мои страдания новыми отчетами? Пока я нехотя двинулся к дверям, во мне росло глухое раздражение и уверенность: ничего хорошего за порогом меня не ждет.

Маг ощущал большие перемены. Всю неделю подготовки магию королевства штормило, но апогеем стала попытка

первой инициации. Сила принца росла, а сила крови Короля слабела. Этот цикл повторялся не в первый раз, и передача договора была необходима для физической безопасности Короля и душевного здоровья наследника. В момент полного совершеннолетия сила возрастала, и требовалось «заземление», иначе последствия могли быть непредсказуемыми. А с учетом того, как ярко чары Эйлана вели себя сегодня, принцу в самое ближайшее время могла грозить серьезная опасность от... самого себя.

После того как Анна всё же решила остаться, а точнее, была вынуждена это сделать, они отправились в замок. Собор был церемониальным местом и нежилым. Дорогу превратило в сплошное месиво, и девушку с непривычки укачало, хотя маг и использовал свои чары, чтобы сгладить путь. Дождь закончился незадолго до их приезда, и выходить в лужу по колено было чуть приятнее, чем когда на тебя еще и сверху льет водопадами. Но ничего не помогло, ведь последнюю часть пути им пришлось идти пешком — дорога больше не была дорогой, кладбище карет, застывших в грязи, образовалось в добрых ста метрах от ворот.

В замок они прибыли затемно: мокрая, продрогшая девочка и немного насупившийся, погруженный в свои мысли маг.

Моран шел впереди размашистым, уверенным шагом, а гостя семенила за ним, пытаясь не поскользнуться. В замке его ожидали король и советники; пажи поймали верхов-

ного мага на самом входе, так как срочный сбор не начинали без него. Он двинулся было в зал совещаний, но вовремя вспомнил, что не один. Остановившись посреди коридора, ведущего в кабинеты первого этажа, маг махнул пажу и обратился к девушке:

— Леди Анна, сейчас у меня есть важные и неотложные дела. Я направил бы вас к горничным или кухарке, но они не знакомы с вами и не знают всей ситуации. Потому вынужден оставить вас с единственным, кто в курсе всех дел. Паж проводит вас к принцу. Он позаботится о вас. Попросите у него всё, что вам нужно. Я вернусь после совета, и мы найдем для вас комнату и всё необходимое для жизни здесь в ближайшее время.

Девушка не проронила ни слова, лишь кивнула и двинулась за пажом, оставляя за собой следы грязи и воды. Маг пару мгновений разглядывал ее спину с мимолетным сочувствием к этой незадачливой чужачке. Но, быстро стряхнув с себя лишние мысли, двинулся дальше.

Предстояло принять много решений — ситуация с магией беспокоила его, защита королевства стояла под угрозой. Принц разберется с такой простой задачей, как дать девчонке сухую одежду. А там и он подоспеет.

АННА

Я постучала. Тишина. Постучала сильнее — ноль реакции. Вообще-то я стояла здесь мокрая, голодная, грязная, и меня всё еще подташнивало от ужасной поездки на карете.

Вежливость закончилась вместе с сухими вещами. Третий удар вышел таким, будто я пришла в эту спальню проводить налоговую проверку с правом конфискации имущества.

Дверь открылась, и проем загородил принц. Уютно-домашний, в тонкой кофте и серых мягких штанах. Влажные волосы мягко выются, падая на лицо, а вокруг шеи змейкой блеснула тонкая цепочка, ныряя в ворот, так и маня заглянуть, куда именно она прячется. А запах! Запах привел меня в чувство! Не иначе только вылез из ароматной ванны. Грелся и отдыхал, пока я тряслась и мерзла!

— Леди Анна? — Искреннее недоумение на секунду кардинально преобразило его.

— Нет, это иллюзия, спите дальше, — буркнула я, прогоняя мысли о сонной хрипотце и влажных темных волосах, и пошатнулась.

Он дернулся, подхватив меня за локоть жесткой хваткой, но тут же отпустил. Его ладонь тут же скользнула к бедру, и он машинально вытер её о ткань домашних штанов. Я не знала, заметил ли он сам этот жест, но я заметила. Обидно.

— Что вы здесь делаете? — Первый шок сменился досадой. — Не смогли покинуть нас?

— О, я хотела, — с искренней горечью ответила я. — Но потом решила задержаться. Маг потащил меня по вашим потрясающим дорогам, меня укачало, и я пришла умирать здесь. Это ведь лучше, чем в придорожной луже.

Он моргнул. Брови слегка сдвинулись к переносице, а тя-

желый вздох звучал как обвинение в том, что я самолично выбрала всё *это*.

— Возможно, вам, леди, стоит найти более подходящее место для этого. — Холод его манер мог соперничать с моими ледяными, промокшими насквозь ногами.

— Здесь не буду, — легко согласилась я. — Лучше вон там, на ковре. Вижу, он у вас очень симпатичный... Наверное, мягкий.

— Только не на ковре! — ответ прилетел слишком быстро. — Он ручной работы.

Пауза, повисшая в воздухе, была достойна театрального училища. Тишину нарушил мой неконтролируемый громкий шмыг. Кажется, у меня начался насморк.

Но это хотя бы разжалобило ледяного принца, и он нехотя отступил на полшага назад.

— Вам нужно согреться. Входите. Я не намерен объяснять отцу, почему вы скончались на моем пороге от переохлаждения.

Комната была тёплой и вполне уютной, резко контрастируя с тем болотом, через которое мы проехали, и с прохладными коридорами, по которым шли.

— Вы... дрожите, — сухо заметил он, оглядывая меня с солидной дистанции в несколько метров.

— Благодарю за глубокий анализ, Ваш-Вышейшество.

Принц набрал в легкие воздуха и шумно выдохнул, поджав губы. Я даже на секунду подумала, что перегнула палку,

но виду не подала.

— Оставьте титулы. Если для вас это неподъемная сложность — зовите меня Принц или Наследник. Но избавьте меня от этого коверканья слов.

Он двумя пальцами снял с вешалки длинную мягкую рубаху и бросил её на край кровати, избегая любого физического контакта.

— Наденьте это. Подойдёт... я надеюсь.

— Сейчас мне всё подойдёт. Халат так халат.

— Дождь закончился час назад. Почему вы мокрая насквозь? — Скрещенные на груди руки натянули его домашнюю кофту, выигрышно подчеркнув крепкие мышцы плеч.

— Погодка в вашем мире просто шепчет. — Я поспешно отвела взгляд, уставившись в пол. — Мы там... добирались почти вплавь.

— Тогда вам нужно согреться. Ванная за дверью. Там есть чистая горячая вода и полотенца. — Принц сделал полшага, чисто гостеприимный хозяин, желающий показать мне, что да как устроено, но вовремя осекся. — Найдете. И поторопитесь. Уже поздно, и вам совершенно не пристало находиться в моих покоях в такой час.

Не поспоришь. Походя цапнув сумку, я прошлепала мимо него, оставляя за собой грязный след, как большая мокрая улитка.

— Эм... Не закрывайте дверь на замок. Пожалуйста.

— Бойтесь, что я утоплюсь? — хмыкнула я.

— Боюсь, что вы гораздо более живуча, чем хотите показаться. — Уверена, ему стоило многих усилий не выпнуть меня из своих покоев да еще и пустить в свою ванну.

Наверняка принц не приучен делиться своими вещами.

— Но если планировали топиться, возможно, не стоило ехать в такую даль. Как вы верно заметили, вдоль дороги было полно подходящих луж.

Ну, хотя бы честно. Сил на препирательства не осталось.

Скорчив подобие улыбочки, я отправилась в ванную. Горячая вода была раем. Она смывала всё: грязь, холод, мысли о том, что этот день вообще существовал. И даже ощущение, что за дверью притаился один напыщенный индюк, немного притупилось.

Хотя он наверняка только и считал минуты до того момента, когда я наконец исчезну из его идеального мира.

Окончательно согревшись, я наконец вышла. Принц стоял вполоборота, слегка наклонившись над столом. Его до этого идеально ровная спина была расслаблена, и весь он выглядел мягче и уютнее.

— Вам принесли ужин, — сообщил он, видимо, услышав мои шаги.

Но, обернувшись, замолчал. Его глаза медленно скользнули по моим влажным волосам, а затем — по собственной рубашке, которая была мне велика. Я так и видела, как он спешно перебирает в голове варианты от «недопустимо» до «возмутительно», но в итоге выдавил нейтральное:

— Вы выглядите... лучше.

— Восхитительный комплимент. — Я потрянула головой, рассыпая капли по ковру. — Сохраню его в сердце. Рядом с воспоминанием о лужах вдоль дороги.

— Я хотел сказать... не так бледно, — он запнулся, теряя нить разговора.

По комнате уже распространился потрясающий аромат еды, выбивая из моей головы последние мысли о приличиях. Я не смогла сдержаться и судорожно сглотнула.

— Ешьте, — коротко бросил он.

Манеры принца оставляли желать лучшего, но дважды просить меня не пришлось.

ЭЙЛАН

Когда она, накупавшись в моей ванне, в моей воде, используя мои мыла — вышла наконец в моей рубашке в мою комнату, я окончательно уверился, что мир надо мной насмехается.

Как это вообще оказалось возможным? Чужачка в моей спальне. Наедине со мной. Препирается и ерничает, заставляя меня, принца, теряться с ответами! Я едва сдерживал буйствующую под кожей магию, сражаясь с тайным желанием вышвырнуть девчонку в холод коридора и запереть за ее спиной дверь на все засовы.

Конечно, я так не сделаю. Но хотеть этого мне никто не запретит!

Более того, очевидно, маг распорядился о её ужине. Слу-

жанка робко поскреблась в дверь, передала поднос, и тут же след ее простыл.

Я изучал сервировку, когда за спиной хлопнула дверь ванной комнаты. Поднос ломился от разнообразия, даже свежая выпечка, она-то откуда взялась в такое время? Но когда я повернулся к девчонке, все мысли разом вылетели из головы. Она стояла передо мной: босая, с полотенцем в руках, закутанная в тонкий белый лен, который был ей безнадежно велик. И почему он такой тонкий? У меня что, не было других рубашек, зачем я дал ей именно эту?

— Ешьте, — бросил я, кивнув на стол. Слова звучали как приказ, хотя в груди поднималась волна такого смятения, что я начинал путаться в мыслях.

Девица оказалась у стола раньше, чем я предложил. Забралась на стул, поджав ноги и натянув ткань рубахи на колени. Во имя Бури, что за дикарка? Я честно пытался переключить внимание на обстановку собственной комнаты, но это было выше моих сил. Она ела быстро, с таким аппетитом, что я и сам на секунду почувствовал себя голодным.

Откусив кусок пышной булки, она зажмурилась.

— М-мм, — звук вышел настолько искренним, что мой собственный желудок ответил болезненным спазмом.

В тот момент, когда она отпила из золотого кубка и мимоулетно вытерла нижнюю губу основанием большого пальца, я заставил себя отвернуться. Пока она была занята едой, я просто притих в кресле, уставившись в окно.

Тишина в комнате больше не смущала меня. Теперь в спальне пахло её присутствием, а спокойно смотреть на булочки в ближайшие дни я, наверное, не смогу. Но я не собирался признаваться себе, что в целом уже не был так раздражен. Она заёрзала на стуле, и я повернулся к ней. Странно, но на подносе всё еще что-то да осталось.

— Я полагал, что вы вернётесь в свой мир, — произнес я, добавив про себя: *«Но знал, что у вас это не выйдет»*.

— Я тоже, — честно призналась она. — Но тут... такие дела. О!

Ее удивленный возглас заставил меня вздрогнуть. Но это всего лишь Тень выбрался из подушек и пришел проверить, кто шумит в его покоях в такой час. Он обнюхал девушку и немедленно ткнулся своей большой глупой головой ей в руку. А она тут же принялась чесать его, пока шерстяной предатель мурчал как никогда ранее. А вообще-то это я терпел его грязную тушку на своей кровати.

— Какой красавец! *Кто* такой красавец? *Ты* такой красавец. — Она сюсюкалась с ним, совершенно позабыв, о чем говорила.

Выдержав минуту, я кашлянул, напомнив о своем присутствии.

— Какой славный... ну, — мысль с трудом вернулась к ней. — К сожалению, проход не сработал. И мы, кажется, разобрались с вашим магом, что время у меня и у вас течёт по-разному. Так что если я задержусь здесь на пару недель,

там у меня пройдет всего ничего. В общем... я могу позволить себе остаться.

Она слегка замялась на этом объяснении, но я не был в настроении разбираться с её сомнениями. Её возможность «позволить себе остаться» звучала для меня неубедительно, тем более я знал, что это смертный приговор моему покою.

— Рад, что вы нашли время для светских бесед с Мораном, — холодно отозвался я. — Значит, вы здесь надолго. Какая... вдохновляющая новость.

— Ну... — Анна пожала плечами. — Так-то вариантов было немного.

Разговор больше не клеился. К счастью, в дверь снова постучали.

Моран вошёл и остановился у порога, Анна продолжала бездумно гладить шерстяного изменщика, а я оказался запертым в собственной спальне между всеми ними. Маг бесцеремонно оглядел девушку. Она сильнее поджала голые ноги, пряча их под полами **моей** рубахи. Вид её коленей, обтянутых тонкой тканью, заставил меня спешно повернуться к Морану. Какой всё-таки неудачный я сделал выбор.

— Моран, какие новости? — я задал вопрос в лоб, желая покончить с этим балаганом.

— Новостей много, но ничего конкретного. — Маг не двигался с места. — Я пришёл проводить леди Анну в её покои. Для неё подготовили бывшие покои леди Аннабель.

«Это совсем рядом», — я промолчал, скрывая свои мысли

по поводу того, что ее селили совсем рядом.

— Скажите, когда мы сможем обсудить подробности нашей спасательной операции? — Анна, видимо, отогрелась и решила, что теперь она полноправный участник совета.

— Сейчас всем нужен отдых. — Моран был непоколебим. — Вы доели? Готовы идти?

Вопрос был формальным. Маг не предлагал, он приказывал. Девушка с тоской посмотрела на поднос, но всё же спустила ноги на пол. Ее мокрая насквозь обувь лежала неподалеку вместе с одеждами, с которых натекала порядочная лужа.

— Минуту. — Сам не веря тому, что делаю, я отошел к шкафу и достал оттуда пару мягких туфель и кофту из теплой шерсти. — Возьмите, в коридорах... прохладно.

Она растерянно протянула руки и приняла от меня нехитрые дары.

— Спасибо. — Она накинула кофту, и мне наконец стало легче дышать. Едва не выпадая из великоватой для нее обуви, Анна подхватила свои вещи, сумку и все же бесцеремонно цапнула еще одну булочку со стола. Я уже не был удивлен.

Аромат моего же мыла тянулся за ней ворованным шлейфом. Я задержал дыхание, желая поскорее выветрить это чужое присутствие из своих легких.

Маг отступил, пропуская её. Короткий, почти небрежный поклон — и дверь захлопнулась. Я наконец остался один.

Глухая тревога не давала уснуть, пока настежь распахнутые створки окна не впустили в комнату ночной холод. Рез-

кий ветер тут же принялся выдувать остатки тепла, и мне это было на руку.

Мне нужно было вытравить этот день из памяти весь, до последней капли.

Глава 8. Знак пустоты

Столовая королевского крыла просыпалась по веками заведенному порядку: тихий шелест подошв слуг, звон серебра, ароматы свежего хлеба и густого травяного отвара с медом и кардамоном. Король здесь появлялся редко, предпочитая завтраки над картами в кабинете, поэтому во главе стола восседала леди Аннабель. На ней было утреннее платье цвета топленого молока, а её осанка превращала обычный стул в трон.

В это утро было значительно тише, обычные приглашения были отменены, чтобы избежать сплетен. Остались лишь те, за кого родная сестра короля отвечала лично. По одну сторону от нее расположились ее дети: старшая дочь Элирея и младший сын Нир. Девочка в свои девять лет уже обладала внимательным и острым прищуром, который сейчас был прикован к дверям. А мальчик, напротив, страдал от необходимости в свои семь сидеть смирно и методично избивал ножку стола носком сапога.

Эйлан появился как всегда вовремя, заученным поклоном приветствовал тетю и занял свое место. Но прежде чем приступить к трапезе, мельком осмотрел сервировку соседнего места. Набор приборов был скудным, как для гостя, которого приютили из милости, но не были уверены в уровне манер.

Уголок рта принца дернулся, выдавая его недовольство.

— Эйлан, как спалось, дорогой? — Тон леди Аннабель был спокойным и ясным.

— Прекрасно, тетя, спасибо. А как ты?

Принц легко поддерживал будничный разговор, но его внимание продолжало блуждать по столу и стенам, неизменно возвращаясь к двери. Он ждал. И когда тяжелые створки вновь распахнулись, в столовой на мгновение стало тихо.

Анна вошла в сопровождении Морана, и внутри у Эйлана что-то туго натянулось.

На ней было новое платье — местного кроя, из плотного синего льна с серебряной отделкой по вороту. Оно сидело на ней удивительным образом хорошо. Подчеркивало линии фигуры, которые Эйлан предпочел бы не замечать. Небрежно заплетенная коса была перекинута вперед через плечо, и эта простота раздражающе ей шла. Она выглядела **невероятно** свежей и живой среди их **вековой** позолоты и парчи.

Эйлан поднялся первым. Это был рефлекс, за который он мгновенно себя возненавидел.

— Доброе утро, леди Анна.

Ровный тон, окаменевшие плечи. Служанка сопровождала гостью, и Анна смело заняла свое место рядом с принцем.

— Доброе. Надеюсь, теперь мой вид соответствует вашим представлениям о приличиях? — тихо, но с вызовом произнесла она.

Эйлан едва заметно отстранился, как только до него до-

летел её запах: все то же мыло, но уже смешанное с ее собственным, еще неизученным, ароматом.

— Сейчас есть вещи важнее, чем мои представления о чем-либо, — спокойно ответил он, стараясь не дышать слишком глубоко.

— Леди Анна, как вам спалось в старых покоях матушки? Вы оценили вид из окна? — Элирея всё же не удержалась от возможности поговорить со странной гостьей, ради которой изменили заведенные порядки завтрака и которой выделили покои, в которых когда-то давно останавливались лишь они с матерью.

— О, — Анна немного растерялась, но тут же открыто улыбнулась девочке. — Я уснула раньше, чем успела рассмотреть пейзаж. Покои прекрасны, и те, кто помог мне утром собраться... были очень добры ко мне.

Леди Аннабель внимательно наблюдала за гостьей, не прерывая трапезы. Её не обманула скромность девушки, бойкий характер которой был виден издалека.

Время едва двигалось, и в столовой нарастала духота. Каждый случайный звук, лязг ножа о тарелку или скрип стула, разлетался таким гулким эхом, что это становилось почти неприличным.

Воздух в столовой начал густеть. Мелкие пушистые волоски, выбившиеся из косы Анны, плавно вились на волнах несуществующего ветра. Пространство вокруг принца дрожало, наливаясь тяжелой, грозовой силой. Оно вкрадчиво

окутывало Анну, безрезультатно пыталась присвоить её себе.

Наконец, леди Аннабель поднялась, давая понять, что завтрак окончен. Она перевела прямой, внимательный взгляд на гостью.

— Леди Анна, — её тон оставался ровным, но в нём читалась твёрдая, уверенная поддержка. — Вы в нашем замке и под королевской опекой. Если вам что-то понадобится, скажите любому пажу, мне доложат немедленно.

— Благодарю вас. — Анна засмушалась: стать этой женщины давила на неё почти физически, лишая слов.

Но Аннабель уже повернулась к Эйлану и взглянула на него, едва приподняв тонкую бровь:

— Принц тоже позаботится о том, чтобы ваше пребывание здесь было комфортным. Его долг как хозяина замка — следить за тем, чтобы наши гости ни в чём не нуждались.

И, забрав своих притихших детей, она покинула зал.

Принц и чужачка остались одни. Если не считать слуг по углам. Анна продолжала есть, хотя ее соседу явно кусок не лез в горло. Наконец в дверях появилась высокая фигура главного мага.

— Наследник, после завтрака нам нужно обсудить дела. Леди Анна проследует со мной в малую библиотеку. Мы будем ждать вас там, как будете готовы. — Маг, не дожидаясь ответа, обратился к девушке. — Леди?

Анна нехотя встала из-за стола, и Эйлан отметил, с какой

почти детской тоской она обернулась на тарелку с нетронутыми фруктами. Несмотря на весь этот магический хаос, у неё был здоровый аппетит.

И это тоже было раздражающе и мило.

ЭЙЛАН

Коридоры давили на плечи затаенной тишиной. Я шел к себе, мечтая лишь об одном: закрыться, прижать ладони к вискам и заставить этот гул в голове утихнуть. Но у поворота к моим покоям стояла тень.

Я резко сбавил шаг, но человек уже вышел на свет, и я выдохнул. Сева.

Внук Себастьяна-старшего выглядел паршиво: осунулся, веки покраснели. Мы не разговаривали уже несколько лет — с тех пор, как нас окончательно развели по разные стороны невидимой стены: меня — к государственным делам и светской жизни, его — к запаху сена и тяжелому труду на конюшнях. Я вспомнил, как мы когда-то вместе расшибали коленки в саду, и Сева беззаботно вытирал и мою, и свою кровь одним рукавом. Тогда нам обоим казалось, что мы одинаковые.

Но время показывало, что это не так.

Последней нашей вылазкой было тайное путешествие к реке за южными воротами. Нам было лет по четырнадцать. И всё закончилось не очень хорошо.

Стояло засушливое лето, солнце пекло, и вода на мелководье прогревалась до состояния парного молока. Мы шли

туда, где огромные, ленивые рыбыны жались к самому берегу, разрывая ил и песок в поисках корма. Я тогда на удивление мало знал о мире за стенами замка и точно не мог подумывать, что обычная речная тварь может быть опасной. Один из песчаных сомов мертвой хваткой вцепился в мою ступню, когда мы оба зашли в воду по щиколотку, и рванул на глубину с чудовищной силой.

Сева бросился на помощь, то ли не зная, то ли позабыв, что эти сомы месяцами лежат на подземных жилах, греясь и накапливая тепло, пуская искры магии по склизкой коже, как по внутреннему контуру. Стоило другу схватить рыбину голыми руками, как магическая сила вырвалась ответной волной, намертво сковав его тело судорогой. Когда Сева плашмя упал в воду между гладкими, скользкими телами, во мне взвился такой звенящий ужас, что я до сих пор не помню, как умудрился освободиться и вытащить его на сушу.

И в который раз раны на моей ноге придворные лекари заживили быстро, не оставив и следа. А вот Сева провалялся без сознания почти неделю, и его ладони еще долго хранили багровую печать магического ожога в назидание. Наша дружба сгорела в той реке, когда я окончательно понял: это не мне не пристало водиться с ним, а ему опасно и несправедливо быть рядом со мной.

Но сейчас передо мной стоял взрослый парень, в плечах шире меня. В нем сохранилась та же простая упрямая честность, которой давно не осталось у отцовских советников.

— Ваше Высочество, — он запнулся на моем титуле, точно тот был горьким на вкус.

— Сева. — Наплевав на всякий дворцовый протокол, я шагнул к нему и крепко сжал его плечо. — Ты совсем не изменился. Только в плечах раздался. Как Себастьян-старший?

— Деду совсем плохо, — глухо произнес он. — Врачи говорят — выкарабкается, но он в беспамятстве. Моран запретил его беспокоить. Но я здесь не за этим...

Сева воровато огляделся по сторонам, проверяя, не застыли ли в тених ниш лишние уши.

— Я только что с кухни. Новости там бегут быстрее, чем теньевые гончие.

— Ну, конечно... Следовало ожидать.

— Слухи о сорванной инициации и странной девице из ниоткуда уже облетели весь замок.

Что ж, сплетни всегда были неотъемлемым фоном придворной жизни, но до сегодняшнего дня я никогда не фигурировал в них как главный герой. Тем более — в роли того, кто потерпел столь сокрушительный провал.

— Но это не всё. — Сева вытащил из-за пазухи скомканный, засаленный клочок пергамента. — Когда деда забирали, стража не увидела, что в его руке был смятый лист.

Я развернул бумагу. На ней не было слов — только нарисованный углем символ: круг, перечеркнутый тремя резкими, ломаными линиями. В Пяти Пределах каждый ребенок

знал этот знак и боялся его появления в своих краях.

— Знак пустоты, — выдохнул я.

— Эйлан, — прошептал Сева. — Это нападение, прямо здесь, в замке. А если их целью был ты?

— Сева, — я запнулся, подбирая слова, которые не звучали бы по-приказному. Нас слишком долго разделяла стена. — Спасибо, что ты пришел. Я позабочусь, чтобы у деда были лучшие лекари. И когда все закончится, я... Я отблагодарю тебя.

Сева плотно сжал губы. На его лице отразилась целая буря — от настороженности до удивления. Он перевел взгляд с моих идеальных манжет на свои натруженные руки, а потом просто и как-то тяжело кивнул.

— Ладно, — глухо буркнул он. — Я пойду.

Едва за мной закрылась дверь, я обессиленно прислонился к ней спиной и осел на пол. Клочок пергамента соскользнул на колени. Черные линии расплывались перед глазами, издеваясь над моим бессилием, а магия внутри снова судорожно забилась о ребра, выкачивая последние капли сил.

Заговор. Предательство. Угроза жизни. И все прямо здесь, в моем доме. Я вздохнул и поднялся. Времени оплакивать свои невзгоды не было. Перед тем как день начнется, мне нужно было зайти еще в одно место.

Леди Аннабель вошла в лазарет одна, оставив сопровождающих за дверью. Шум и суета остались снаружи, а здесь её

встретили въедливый запах лекарств и давящая тишина.

Тяжёлые юбки шуршали, набойки глухо стучали по каменному полу. Леди не торопилась, всеми силами оттягивая момент, когда придётся шагнуть за плотную штору в дальнем углу залы. Все остальные койки пустовали — занята была только одна.

— Се... — Она осеклась на полуслове, заметив у кровати посетителя. — Лани? Ты здесь, дорогой?

— Да, тётушка. — Принц тут же поднялся, уступая место у изголовья. Без посторонних глаз она могла называть его смешным детским прозвищем, а он — забыть про сухой деловой тон. — Хотел проведать Себастьяна перед делами. Лекарь только что ушёл.

— Что он сказал? — Голос леди Аннабель не дрогнул, но взгляд тревожно метнулся к бледному лицу лежащего.

— Он ещё не пришёл в себя. Удар был со спины и... — Эйлан запнулся. На его лице проступила злость человека, искренне не понимающего предательства. — Я не понимаю. Он ведь и так едва ходил! Чем он мог навредить тому, кто это сделал?

— Эйлан, мальчик мой... — женщина сокрушённо покачала головой, не сводя глаз с Себастьяна. — Возможно, он увидел этого человека. Или людей. И...

— Да какие это люди?! Это крысы! Ударить старика в спину!

Аннабель мягко улыбнулась. Её племянник рос благород-

ным и честным, в полном соответствии с долгом, который вот-вот должен был полностью лечь на его плечи. Она никогда не говорила Эйлану вслух, но искренне переживала, справится ли он.

Она любила мальчика всем сердцем. Растя Эйлана с самого детства после смерти его матери-королевы, Аннабель порой забывала, что он не её родной сын. А сколько слёз она пролила украдкой в ночи, пока отучала малыша звать её мамой...

Но двор есть двор: здесь даже самым близким к венценосной семье стоит быть начеку. Аннабель никогда не была простой женщиной — благо родители вложили в её воспитание немало сил, даровав образование, выходявшее далеко за рамки обычного. Девушка быстро училась и рано поняла: жизнь во дворце — далеко не сказка, она требует гибкости и железной выдержки.

Аннабель не стремилась к власти. Как сводная старшая сестра короля, она видела слишком многое, помнила двор ещё со времён их деда и умела хранить тайны. За годы ей удалось выкроить для себя пусть небольшую, но верную зону влияния: она ведала связями с жёнами глав пределов. Ведь какими бы властными ни казались главы в зале совета, половина решений всё равно принимается в тишине супружеских спален. И это было именно то, о чём она мечтала — не быть привязанной к замку и оставаться незаменимой.

Однако в последние годы её жизнь круто изменилась.

Сам Алдар сильно сдал после смерти любимой жены. Двадцать лет ему сватали знатных красавиц, одну моложе другой, но он не спешил снова вести кого-то к алтарю. Лишь одной фаворитке было дозволено больше прочих: она родила королю двоих детей. Впрочем, корону он не позволил надеть даже ей. А когда после рождения второго ребёнка женщина стала требовать непомерно много, Алдар без колебаний сослал её в северный предел.

Так в замке появилась пара бастардов мал мала меньше, чьи колыбели перекочевали в покои леди Аннабель, а король официально наделил сестру статусом их опекуны — тем самым, который так и не достался фаворитке.

С каждым годом женщины интересовали Алдара всё меньше, хотя мужчина всё ещё был в самом расцвете сил. И у Аннабель были свои догадки о причинах столь скорого угасания брата. Но она предпочитала держать свои мысли при себе. Лишь один человек во всём замке был её верной опорой и единственным, с кем она позволяла себе откровенность. И сейчас этот человек лежал в беспамятстве, и никто не знал, почему и кто за этим стоит.

— Да, дорогой. Это действительно недостойный поступок, — тихо сказала она. — Но Себастьян всё ещё крепок. Он обязательно выкарабкается.

— Я очень на это надеюсь... Я так хотел отпустить его на покой. Подарить ему поместье и спокойную старость.

— Ну что ты, милый, — тётушка легко рассмеялась и по-

ложила руку племяннику на плечо. — Он бы всё равно не ушёл. Себастьян любил свою работу, и возможность быть при тебе — это как раз то, что держало его на плаву так долго. Уверена, освободи ты его от обязанностей, он тут же взялся бы за Нира. Этому несносному мальчишке давно нужна твёрдая рука.

Подбородок принца дрогнул, но он тут же взял себя в руки и расправил плечи до хруста. Леди Аннабель тактично отвела взгляд. Мальчик вырос, слёзы не под стать наследнику.

— Как там наша гостья? — Такт и дворцовое воспитание на мгновение уступили чисто женскому любопытству. — Я попросила Морана приглядеть за ней. Но, как я понимаю, вам предстоит провести немало времени рядом.

Эйлан по-мальчишески фыркнул и для большей убедительности закатил глаза. Он позволял тётушке разговоры на любые темы и разрешал вмешиваться в любые свои дела. Эта женщина вырастила его, и он не смел требовать больше материнской любви, чем она уже дала. Эйлан никогда не признавался ей, но однажды спросил у отца, может ли называть Аннабель матушкой.

Тот разговор вышел коротким и жестоким. Следующую — бесконечно долгую — неделю тётушка провела в своей первой длительной поездке на другой конец пределов. Тогда Эйлан впервые понял: наказание не обязательно бывает очевидным, но от этого оно не становится менее болезненным.

— Она невыносимая, взбалмошная и, и... — Принц пы-

тался подобрать слова, но получалось плохо.

— Ладно тебе, Лани. — Женщина легко сжала его плечо и скользнула ладонью вниз по его напряжённой, прямой спине. — Представь, каково ей. Очнуться в чужом мире, где всё чужое, она ведь даже не знала, что такое магия. Она держится удивительно хорошо. И мне кажется, для тебя это неплохая... возможность.

— Возможность? — Эйлан не поверил своим ушам. — Что эта девица может мне дать?! Разве что головную боль да приступ удушья от раздражения.

— Возможность узнать, каково это — быть не принцем и не наследником. Без чар, титула и власти, а просто... — Аннабель задумчиво скользила взглядом по кровати и, добравшись до бледного лица Себастьяна, застыла, — ...быть собой.

Эйлан коротко, неверяще хмыкнул. Что за глупые речи?

— Я и так тот, кто я есть.

— Конечно. — Аннабель повернула к нему голову, и в её глазах не было ни капли насмешки. — Ты — тот, кто ты есть. Каким тебя выковал твой отец, каким тебя хочет видеть Совет. Ты выполняешь долг, держишь спину, и у тебя нет и не будет другого пути. Но... эта девушка не знает ничего обо всём этом. И главное — ей откровенно всё равно.

— Это уж точно! Она ведёт себя абсолютно неподобающе!

— Вот именно! — воскликнула тётушка, всплеснув руками, чего племянник раньше никогда от неё не видел. — Она

не склонила голову даже после того, как поняла, кто перед ней. Она смотрит прямо на тебя и видит не преемника — она видит тебя. Как думаешь... какой ты в её глазах? И есть ли ещё хоть кто-то в пределах, кто дал бы тебе возможность узнать себя таким?

Принц опешил, так и не найдя, что ответить. Он совершенно не думал об этом. Все его мысли занимали предательство, предстоящая церемония и свалившиеся неудобства. Эйлану даже в голову не приходило, что у этой медали есть другая сторона.

Пока он раздумывал, где-то за их спинами глухо хлопнула дверь.

Тётушка мимолётно изменилась в лице — и снова стала спокойной, невозмутимой леди. Она ещё раз тепло коснулась плеча принца, бросила короткий, почти незаметный взгляд на Себастьяна и выскользнула за штору.

Как бы Эйлану ни хотелось побыть в этой тишине ещё немного, не начиная сумасшедший день, время не ждало.

Пора было браться за дела.

АННА

— Леди Анна.

Из мыслей меня вырвал тихий оклик Мага. Я вздрогнула и резко обернулась.

А он мастерски обращается со звуком и пространством: вот он стучит каблуками по каменному полу, останавливается неподалеку, задавая светские вопросы, а вот — бесшум-

но движется ко мне, подкрадываясь, как к добыче. Даже его плащ не шуршит ни одной из тяжелых складок.

— Леди Аннабель просила справиться, всё ли у вас в порядке.

— Не буду скрывать, я порядком подмерзла. — Я решила резать правду-матку. — От каминов едва веет теплом. Как вы здесь живете?

По лицу мага тенью пробежала легкая растерянность. Но секундное замешательство быстро сменилось смутным пониманием.

— Хорошо, что вы сказали, леди. Приношу извинения, что не подумал об этом раньше. — Мужчина плавно двинулся вперед. — Видите ли, всех жителей замка охватывает бытовая магия. Каждый рожденный на этой земле получает ее защиту как дар. Она дает «своим» людям спокойно жить при разных температурах. Так, небольшая, но поддержка.

Он слегка выделил интонацией слово «своим». Я не успела ни удивиться, ни возмутиться такому повороту, как он уже стоял напротив меня.

— Позвольте? — Маг протянул руку и, едва касаясь, провел кончиками пальцев от моего предплечья вниз и остановился, лишь когда моя кисть легла тыльной стороной к нему в ладонь. — Готовы?

Это был не вопрос, скорее предупреждение, но, стоит отметить, он все же дождался в ответ моего слабого кивка.

В тот же миг руку резко обожгло, и теплая кровь выступи-

ла сквозь появившийся из ниоткуда порез. Я резко и коротко вздохнула, сдерживая крик, дернув на себя пораненную ладонь, но маг цепко удержал меня, не дав контакту прерваться. Одно движение — и на ладони мага также проступили первые алые капли. Неторопливо он накрыл мой порез своей рукой, сняв боль и слегка обдавая теплом. От неожиданности и шока я даже не пытаюсь подумать о том, насколько это все негигиенично и по-варварски.

Выверенные движения и слегка насмешливый взгляд говорили о том, что он знает, что делает и о том, что он знает, что я не знаю ничего.

Его широкая ладонь, окрашенная смесью нашей крови, слегка приподнимается, и теперь только его пальцы соприкасаются с моим запястьем. Тепло и касание его рук, горячие волны, бьющие по спине и затылку, тишина и полумрак библиотеки — все это заворожило меня. В уголках глаз мага скопились лучики, вот-вот улыбнется, но я этого почти не вижу, внутри все сжимается и жмурится от удовольствия. Мой лоб разглаживается, я сонно моргаю и ловлю довольный взгляд мужчины напротив. Он пару мгновений любит своей работой, и слова самодовольной похвалы почти срываются с его губ, но в этот миг тепло внутри меня резко сворачивается в ледяной, колючий ком.

Удовольствие сменяется дикой, выворачивающей тошнотой. Тепло в моих жилах наливается кипятком и кажется ядом, который организм требует немедленно выплеснуть. Я

едва успеваю согнуться пополам, прежде чем меня судорожно рвет прямо на пыльный пол библиотеки, в аккурат к начищенным сапогам мага.

Мир плывет, в ушах звенит, и последним, что я фиксирую перед тем, как окончательно провалиться в темноту, — это его руки, которые подхватывают меня и застывшее, полное искреннего шока лицо.

— Неловко, — слышится мне ворчливый мужской голос.

— Неловко, — вторит ему эхом чужой насмешливый женский.

...

— Ты должен был быть с ней поосторожнее. — От откровенного недовольства тон незнакомки упал в самый низкий диапазон. Тяжелая вибрация прокатилась по комнате, заставляя сознание Анны встрепенуться.

Она распахнула глаза, но тут же зажмурилась: яркий свет ударил по зрачкам, вызывая болезненную резь. Пробуждения в этом мире становились для неё отдельным видом пытки. Сквозь марево и тень от ресниц Анна видела лишь размытый силуэт незнакомки, стоявшей к ней спиной.

— Это не должно так работать, — продолжала девушка с нескрываемым подозрением. — Ты связал её с собой узами крови. Мы что, теперь сводные сестры?

— Не говори глупостей, Фиона! — Моран звучал глухо, в нем сквозила редкая для мага неуверенность. — Возможно, я перестарался и влил в неё поток плотнее, чем стоило. Даже

обычный житель мог просто отвергнуть такую мощь.

— Мог. — Незнакомка медленно повернулась в профиль. — Но как она планирует здесь выживать без магической поддержки, если её организм так реагирует на элементарный обогрев?

— И долго вы планируете нас подслушивать, леди Анна? — Наконец маг заметил, что девушка пришла в себя.

— Меня учили не перебивать старших, — пробурчала Анна под нос, медленно принимая сидячее положение.

Девушка, стоявшая рядом с Мораном, оказалась внушительной. Анна считала себя высокой, но эта леди выглядела литой из стали: разворот плеч, мощные бедра, узкий крепкий торс и внушительная грудь. Волосы были затянуты в косы и жгуты и собраны в тяжелый хвост. Мечта викинга! Созданная для того, чтобы крушить врагов и мужские фантазии одновременно.

На поясе покоилось оружие, которое выглядело слишком тяжелым для человеческих рук.

— Очнулась? — Девушка не сдвинулась с места, лишь слегка склонила голову. — Не думаю, что я намного уж старше.

— Возможно. — Анна постаралась звучать увереннее. — Но также я слышала, что не стоит перебивать тех, кто вооружен. Даже если эта штука из пенопласта... она всё равно пугает.

Фиона на мгновение задумалась, а затем оглушительно

хохотнула, хлопнув себя по бедру.

— Тогда ты права! Это вековая сталь, девчонка. Она разрежет тебя, как масло. Но не бойся, я сейчас не голодна.

Странное уточнение заставило Анну замолчать. Ей совсем не хотелось развивать тему кулинарных предпочтений этой амазонки, тем более что Моран не сводил с девушки пристального, изучающего взгляда.

— Фиона, прошу, в который раз. — Моран даже не обернулся, но в его словах прозвучала та специфическая усталость, какая бывает только у учителей и родителей, десятилетиями твердящих одно и то же.

Маг медленно двинулся в обход большого стола, заставленного флаконами, пучками трав и кожаными мешочками.

— Признаю свою ошибку, леди. Вы жаловались на холод, и я впустил в вас слишком сильный поток тепла.

— Да еще и ладонь рубанул от души. Можно же было просто палец слегка кольнуть, — едва слышно пробормотала девушка и добавила уже громче: — Так и что, мне должно теперь быть всегда жарко? Пока не особо.

— Увы. — Моран подбирал слова к немного неловкой для него ситуации. — Моя магия не задержалась в... Вас. Вы восстанавливались около часа. Мы можем попробовать еще раз.

— Да нет уж, спасибо. За последние сутки я слишком много времени провела в отключке.

— Понимаю, — он согласился быстрее, чем она ожидала.

— Тогда стоит прибавить огня в камине. — Фиона подошла к очагу и с грохотом швырнула туда тяжелое полено, да же не напрягаясь. — Вспомним старые способы согреться. Если это не поможет, я знаю ещё пару!

Моран сдержанно кашлянул, осаждая ее, как расшалившегося ребенка.

— Танцы и драка! — Фиона невинно хлопнула ресницами, совершенно не боясь его суровости. В этом взгляде было слишком много вольности для простого солдата. — А ты что подумал?

Но от мыслей их опять отвлек низкий гул, пронизывающий и камни, и все пространство насквозь. Меня зашатало от вибрации, что прошла прямо по моим костям.

Моран мгновенно двинулся к выходу.

— Я отлучусь. Фиона, ты за старшую. Не своди с нашей гостью глаз, — бросил он на ходу и тут же дверь за ним с грохотом захлопнулась.